

ALEXSEY
GRITSENKO

The poster features a close-up of two men's faces in profile, facing each other. The man on the left has a beard and is looking slightly down. The man on the right wears sunglasses and has a mustache. In the background, the Empire State Building is visible against a city skyline. Below the title, there is a decorative flourish and a scene of a city at night with a large fire burning in the foreground.

ВОЗВРАЩЕНИЕ
«ОДИССЕЯ»

Призвание – сыщик! Лучшие детективы

Алексей Гришин

Возвращение «Одиссея»

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гришин А.

Возвращение «Одиссея» / А. Гришин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Призвание – сыщик! Лучшие детективы)

ISBN 978-5-17-150322-2

Правосудие должно свершиться! Майор уголовного розыска Василий Щербатов в этом убежден. Даже если рухнет его мир, его страна. Криминал рвется к власти, правители грызутся между собой, лгут и предают. Развалено государство? Отработанная система буксует? Найди иное решение. В кризис появляются возможности, которых не было прежде и не будет уже никогда. Решишься их использовать? Найдешь союзников среди вчерашних противников? Ввяжешься в смертельно опасную драку или тихо отойдешь в сторону, заживешь спокойной, сытой жизнью, благо и такой путь тебе предлагает судьба? Решай, но не жди наград. Не та страна, не то время.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-150322-2

© Гришин А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	15
Глава III	18
Глава IV	21
Глава V	24
Глава VI	27
Глава VII	31
Глава VIII	34
Глава IX	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Гришин

Возвращение «Одиссея»

© Алексей Гришин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

ПРИЗВАНИЕ — СЫЩИК!

ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Пролог

Зимняя ночь в Москве. Звезды, мерцающие в морозном небе, редкие, куда-то спешащие машины и черные окна спящих многоэтажек. Человек идет по пустынной заснеженной улице, освещенной холодным зеленоватым светом фонарей.

Прилично одетый, в польской дубленке и норковой шапке, черных кожаных перчатках, скрывающих вытатуированный на правой кисти якорь – память о лихой срочной службе на Северном флоте.

Хороший у человека был день, удачный. Трудный? Еще какой! Лишь час назад удалось закончить вычитку очередного договора – перспективного, но необычайно объемного. Потом убрать его в вычурный, от какого-то разорившегося кооператива оставшийся сейф, с наслаждением потянуться, закрыть опустевший офис и не спеша отправиться домой.

Недавно купленный огромный вишневый «мерседес» завелся с пол-оборота, еле слышно заурчал двигатель.

В прошлом месяце удалось срубить крутые бабки, на которые и был куплен этот шедевр германского автопрома. Пятилетний, можно сказать, новье! После привычных «жигулей» так просто чудо. Каждая поездка на нем – как сказка, пришедшая в этот скучный, прозаический мир.

Впрочем, скучный – это уже не про нынешние времена. Скорее, тревожный, иногда просто опасный. Рэкет, братки, разборки, крыши – боже, сколько новых слов появилось. И каждое из них – угроза не только бизнесу, но и жизни.

Опасность? Увы, присутствует. Тем слаще каждый миг, когда есть возможность просто прокатиться по городу на прекрасной машине. Ни о чем не думая, не беспокоясь. Ночь, снег и пустынная Москва!

Только что машина поставлена в гараж, осталось дойти до дома, подняться на пятый этаж и развалиться на диване с бокалом молдавского коньяка, посмотреть хороший видеофильм. «Звездные войны» или «Полицейскую академию».

И идти-то всего минут десять, но что за черт! Три нетрезвых бугая навстречу. Один с обрезком арматуры – страшное оружие.

– Эй ты, мужик, дай закурить!

Твою мать! Бежать? Поздно. Драться? Бессмысленно. И последний автобус только что отъехал от остановки, звонко хлопнув на прощание дверьми.

– Бабки есть, мужик? Нет? А найду – все мои?

Господи, вот попал! И на помощь звать некого. Лишь какой-то мужичок в куцем пальтишке, явно навеселе, пошатываясь, ковыляет от остановки. Впрочем...

– Эй вы, трое, оба ко мне!

Он что, самоубийца, этот коротышка? Он же им до плеч едва достает!

Троица остановилась, свысока оглядывая неожиданное препятствие. Хотя какое там препятствие? Любому из них – так, оттянуться по кайфу, отпинать, согреться и дальше пойти.

– Хрен ли встали? Глухие? Впрочем, я сегодня добрый. Бегом отсюда, чтоб пятки в жопу упирались! Кто успеет – оставлю жить.

Этого пьяные герои уже не стерпели. Как, им такое! Кто? Да в грязь его, в пыль, в мясо!

Человек не успел ничего рассмотреть – все произошло мгновенно. Вот трое бегут, орут. И вот трое лежат. Один еще хрипит, но недолго. Мужичок присаживается рядом на корточки и аккуратно перерезает ему горло. Так, чтобы хлынувшая кровь не запачкала одежду. А потом снегом так же аккуратно вытирает лезвие ножа. Хищного, прямого, с короткой гардой.

– Вот, «Вишня»¹, – похвастался, – товарищи подарили. На пенсию я сегодня ушел. Расстроился, понимаешь, а тут эти... – прохожий развел руки, словно извиняясь.

На пенсию? Да ему лет сорок, не больше. Широкое добродушное лицо, виноватая улыбка, прямо добряк и ботаник. Если бы не трупы у ног. Расстроился он! А если б обиделся, что бы было?

Человек взял пригоршню снега и протер лицо. Вот это фарт! Когда уже думал, что все, кранты, отжил-отгулял, встретить такого пенсионера! Это не просто судьба, это лишний шанс выжить. Серьезный, надо признать, шанс.

– Друг, вот повезло-то! Сейчас я бы вот тут лежал. Слушай, давай ко мне! Есть отличный коньяк, мировой закусон, отметим мое спасение и твою пенсию – как, достойный повод?

– А эти? – с сомнением мужичок посмотрел на тела.

– Да хрен с ними, ты что, хочешь еще и с мусорами объясняться?

– Вообще-то нет, не в настроении как-то, – он неуверенно пожал плечами. – Ну что ж. Коньяк, говоришь? Хорошее дело. Гарун! – И, широко улыбнувшись, мужичок протянул руку.

Pereat mundus et fiat justitia.

Пусть мир погибнет, но правосудие восторжествует.

Император

Священной Римской империи

Фердинанд I

Победившим в девяностые

---

¹ Нож разведчика НР-43 «Вишня» образца 1943 года.

Глава I

Щербатов

Звон будильника! Впрочем, какой там звон, так, деликатный писк. Еще недавно будильник гремел, визжал, вопил, выдергивая из кровати не только хозяев, но и соседей, и, казалось, весь окрестный квартал. Так, должно быть, зазвучит сигнал последней войны, поднимая заспанных ракетчиков на последний пуск, после которого не останется ни самих воинов, ни вообще людей, да и зверей в придачу. Лишь сонные куры будут ходить по сожженной планете, как ходили они, неспешные и жирные, в заброшенных черныбыльских деревьях².

Полгода мотался Василий Щербатов по той чертовой зоне, отлавливая идиотов, воровавших имущество, которое уже никогда не потребуется хозяевам, навсегда покинувшим эти когда-то благословенные, а ныне проклятые места.

И ловили, отвозили в пункты дислокации, где после недолгого следствия бедолагам назначали невеликие сроки. Кому-то из горе-воров это спасло жизнь. Если, конечно, поймали вовремя, пока не успел человек получить ту самую предельно допустимую дозу.

Почему-то именно эти куры, спокойно расхаживавшие среди пустых домов мертвых деревьев, врезались в память.

Тогда ему казалось, что вот кончится командировка, вернется домой, и заживут они с Алкой счастливее всех на свете. А что, квартиру пообещали без очереди, денег на обустройство, да и работу получше – шутка ли, старшего опера Октябрьского РУВД грозились взять аж в ГУУР!

Кто ж в здравом уме от таких пряников откажется? Это только на карте от запрятанного в подворотне четырехэтажного дома на Большой Полянке до башни на Октябрьской площади десять минут пешком³. Люди понимающие прекрасно знают, что для переезда из одного в другое редко кому и жизни хватает.

Так что недолго раздумывал простой районный сыщик, соглашаясь провести полгодика на украинской природе, пусть и изуродованной, конечно, ну так идеальной работы не бывает.

И не обманули отцы-командиры! Двухкомнатная квартира в новом доме, деньги, все, что обещали, все дали. Да еще за пять лет дважды в должности повысили. Шутка ли, в тридцать два года начальник отделения! В МВД, не хухры-мухры! Живи да радуйся!

Если б не Алка. Не прошла, видать, даром та проклятая командировка, до сих пор нет у них детей. Ходили по врачам, анализами себя измучили, вердикт один: оба практически здоровы, можно в космос запускать. А то, что детей у товарища майора милиции нет, так бывает, примите, как говорится, соболезнования.

Да и времена изменились. Это раньше офицер – уважаемый человек. А сейчас дерьмо на милицию только из утюгов не льется, каждый журналюга, каждый писака, режиссер норовит обгадить. Гнусно, лживо, но их читают, смотрят, им верят, в конце концов! А что там на самом деле – кого это интересует?

Опять же Алка... Аля, Алик, Аленькая. Юная милая экономистка из сберкасс, что так восторженно смотрела на него в загсе... Теперь зампред правления банка, она по-прежнему молода, красива и любима. Изменился лишь взгляд.

---

² Так и было.

³ Октябрьское РУВД г. Москвы находилось по адресу ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 2, ГУУР (Главное управление уголовного розыска) МВД СССР – ул. Житная, д.16.

Естественно, теперь не офицеры, теперь банкиры в фаворе. Хрен его знает как, но, кажется, деньги они делают из воздуха. Иначе откуда эта шикарная машина, что привозит жену с работы и забирает по утрам? Личный шофер, как у генерала. И кто рядом с ней? Мент, пусть и с перспективой карьерного роста, но без малейших перспектив роста финансового. Ну не взяточник он, хоть убей. Уж сколько раз к нему подходили, мол, тебе и делать особо ничего не надо, лишь не лезь куда не просят... Подходившие о своей ошибке потом жалели, а Алла, если узнавала, смотрела на мужа с сожалением, как на тяжело больного.

И вот уже месяц, как спит отдельно, уходит от разговоров, отводит взгляд. О разводе речь не ведет, но, кажется, все идет к этому. И будильник купила новый, тот самый, деликатный, мать его, чтобы, значит, не беспокоил женщину, когда менту в выходные на работу надо. Как сегодня, например.

Перед выходом посмотрелся в зеркало. Недавно купленный серый со стальным отливом костюм фабрики «Большевичка» сидит безупречно, брюки наглажены, ботинки начищены до зеркального блеска, свежая голубая рубашка, все как положено офицеру – не в джинсах же на работу ходить. Единственное послабление в честь субботы – галстук останется дома. Выходной все-таки.

Заглянул в комнату любимой. Пока еще жены. Яркое майское солнце играет в густых иссиня-черных волосах, румяное ото сна лицо и по-детски доверчивая улыбка. Господи, было же когда-то счастье.

Старенькая, купленная еще на черныбыльские деньги «пятерка» завелась с пол-оборота. Ну, поехали. Закон защищать, черт побери.

Вот и здание родного министерства. Сержант на входе проверил документы, привычно не удивляясь очередному фанатику, предпочитающему проводить свой выходной на службе – здесь таких всегда было много.

Взгляд на фото, взгляд на предъявителя... светлые курчавые волосы, прямой лоб, густые брови и ресницы, слегка оттопыренные уши, усы, мощная шея...

– Проходите, товарищ майор. Извините, вы борьбой занимались?

– Было дело, – усмехнулся Щербатов. Обращение не по уставу, но, видать, заскучал служивый. Бывает.

Что же, вперед, к великим свершениям! Холодный от светло-серого мрамора холл, лифт, длинный сумрачный коридор.

Едва Щербатов вошел в свой кабинет, как зазвонил телефон.

– Зайдите.

Ни здравствуйте, ни Василий Петрович, ни хотя бы товарищ майор. Куда там с нашим величием до простого мента снисходить! Вот как это называется? Почти ровесник, но ты майор и начальник отделения, а он полковник и начальник твоего отдела. А почему? Всего лишь потому, что лейтенантами разную форму надели. Ты серую, а он военную, но с васильковыми просветами. Только в этой конторе глубокого бурения⁴ и выслуга меж званиями короче, и когда в другое ведомство переводят, еще и на звание повышают. В последнее время этих ребят в милиции много появилось, вроде как менты сами не справляются, надо их комитетчиками усилить. На руководящих постах, ага. Как там папаша Мюллер говорил: «Давать руководящие указания может и обезьяна в цирке»⁵. Но куда деваться, идем.

– Разрешите войти?

М-да... Кабинет начальника отдела – это не его каморка с небольшим столом да тройкой стульев для подчиненных. Здесь уже другой уровень! Вдоль длинной левой стены – стенка

---

⁴ Жаргонное название КГБ СССР.

⁵ Ю. Семенов. «Семнадцать мгновений весны».

мебельная с солидными книгами в застекленных шкафах, сувенирами на полках и телевизором в специальной нише. Рядом большой стол для совещаний и чуть в стороне, спиной к торцевой стене, украшенной портретом Дзержинского, сидит за рабочим столом сам хозяин кабинета.

– Здорово, Вася, рад тебя видеть. – Не понял, когда это мы на брудершафт пили? Тоже мне, демократ.

– Вызывали, Андрей Ферапонтович? – Господи, ну и сочетание! Интересно, тебя в родной конторе не подкалывали? Здесь-то опасаются, кому нарываться охота.

– Заходи, присаживайся. Чайку выпьем?

Среднего роста, со светлыми, расчесанными на пробор жидкими волосами, одет в серый костюм. Вообще все в нем серое, среднее и прилизанное, даже голос какой-то никакой, словно тоже средне-серый, тоску нагоняющий.

Ну, товарищ начальник, давай, осчастливь нас убогих великими откровениями. Мне ведь в выходной больше делать нечего, а гора бумаг на рабочем столе сама разберется сразу после твоих указаний. Ценных, никак не иначе.

– Не откажусь. – А что еще ответить? Что свой не хуже?

Начальник достал из шкафа два стакана, налил воды из стоявшего там же кувшина, в один стакан опустил электрический кипятильник. Когда тот закипел, подвинул его Щербатову и поставил на стол пачку индийского чая и тарелку с сушками и сахаром.

– Сыпь по вкусу, угощайся.

– Спасибо, Андрей Ферапонтович.

– Всегда пожалуйста, заходите почаще.

Это называется – начальство шутит. Нет у подчиненного других дел, кроме как в выходные с ним чай гонять.

– Ну, если за чаем, то с удовольствием, а если за тренделями, то хотелось бы пореже, – решил отшутиться майор. – Сейчас-то зачем вызвали?

– То есть версия «просто поболтать» даже не рассматривается? Что же, тогда давай по делу. Прочитал твой рапорт на вербовку, материалы кандидата посмотрел. Что сказать, сильно, конечно, но не слишком ли? По Сеньке ли шапка?

Черт, перестраховщик, мать его! Тут больше года человека охаживаешь, уже два дела на его информации поднял, да что там, уже и подписку отобрал, лежит она в сейфе, только подписи начальства на рапорте ждет, чтобы встал агент «Комаров» в стройные ряды борцов с криминалом на полностью законных основаниях. А начальство сомневаться изволит. Великие сыщики, мастера лишь диссидентов по психушкам распихивать.

– Вас что-то смущает? Или я чего-то не понимаю? Андрей Ферапонтович, да если таких не вербовать, кого ж тогда?

– Так я не о том. Может, в шестерку⁶ его отдать? Вася, ты сам посмотри, он же по конкретным бандам расклады дает. Тебе это зачем? Твое дело мокрушников да маньяков ловить. Предшественники наши на чем слетели? Забыл?

Забудешь такое, как же. Как сейчас встал перед глазами тот словно по заказу серый день, когда из славной Белоруссии пришел бодрый доклад об аресте маньяка, убившего в Витебской губернии больше трех десятков человек. Только никого в Главке эта новость не порадовала, потому что полтора десятка из этих убийств числились раскрытыми.

Двоих «преступников» расстреляли, один лишился зрения, что сделали благородные воры на зонах с другими невиновными, даже и думать не хотелось. Тогда-то и прошлись по милиции железной метлой, безжалостно снеся всех, кто имел к тем делам хоть какое-то отношение.

Нет, такое не забывается. Но все равно, дарить агентуру чужим дядям? Фигушки!

---

⁶ Шестое главное управление МВД СССР – управление по борьбе с организованной преступностью.

– Не будет он ни с кем другим работать, это уж поверьте. – Щербатов отодвинул в сторону стакан. – Или со мной, или ни с кем. Нет уж, если будете настаивать – я его дело сам, своими руками уничтожу. Слишком часто наши люди гибнуть стали. Как хотите, но не возьму греха на душу.

– Ну прямо благородный герой в логове предателей, – с горькой усмешкой сказал начальник. – Подписан твой рапорт, держи. – Он достал из лежавшей на углу стола красной кожаной папки и небрежно бросил на стол отпечатанные на машинке листы, на одном из которых стояла резолюция «Согласен. Поставить на особый учет. Кузьмину А. Ф. – работу с источником на контроль, его информацию докладывать мне лично». И размашистая подпись генерал-майора Валько, который тоже из этих, с Лубянки.

Но сейчас старшие братья разобрались правильно. На особый учет – это значит, что отныне лишь два человека кроме него будут знать, кто скрывается под псевдонимом «Комаров»: генерал Валько и начальник отдела. И это правильно, можно работать, не опасаясь, что какой-то ссученный клерк продаст бандитам твоего агента.

Не успел Щербатов сказать «спасибо», как на руководящем столе зазвонил телефон внутренней связи. Кузьмин выслушал собеседника, сказал «принято» и аккуратно положил трубку. Потом взял прямо-таки мхатовскую паузу. Да уж, в такие моменты начальство лучше не беспокоить, оно о великом думает.

– Ты подписку-то уже получил?

Вот вопрос. И как на него отвечать? Правду или как положено?

– Да не смотри на меня как баран на новые ворота, я сюда не из балета пришел. Думаешь, у нас по-другому работают? Какой он псевдоним выбрал?

– «Комаров».

– Ну вот, сразу и дело ему нашлось. Кошмарика ночью завалили. Расстреляли в собственном доме вместе с гостями и охраной. По слухам, у него в банде вроде терки какие-то были, так что твой орел что-то знать как раз может. Но это все потом, сейчас дуй в Малаховку, осмотришься на месте, чтобы местные чего не накосячили. Вечером доложишь по телефону, а в понедельник прямо с утра бери дело под свой контроль официально – с нас за него наверху обязательно спросят, сам понимаешь.

Естественно, спросят, куда денутся. Еще пару лет назад невозможно было представить, чтобы бандит Кошмарик, в миру Енукидзе Рустам Гургенович, пятидесяти лет от роду, трижды судимый за кражи да грабежи, запросто приглашал на свой юбилей не паханов с марухами, а глав исполкомов с господами депутатами. Бред сурового шизофреника, ставший реальностью перестроечной жизни.

На подъезде к месту происшествия «пятерку» Щербатова остановил гаишник. Взглянув на удостоверение, извинился, но попросил припарковаться в сторонке, мол, дальше свободных мест и нет вовсе. И не соврал, надо признаться. По пути к дому Кошмарика майор просто физически чувствовал боль от ломающегося сознания. Убогие «уазики» и «москвичи» мен-тов робко жались между шикарных «мерседесов», огромных «ленд-крузеров» и «патрулей», нагло перегородивших улицу, зажатую трехметровыми заборами, за которыми расположились шикарные особняки новых хозяев жизни.

А войдя во двор дома... да какого там дома – настоящей барской усадьбы, возвышающейся среди елей и кленов, с замысловатым фонтаном посреди истинно английского газона, и вовсе обалдел. Огромные мужики в малиновых и зеленых пиджаках, с лицами, ни разу не обезображенными даже зачатками интеллекта, по-хозяйски расхаживали по шикарным аллеям.

Не иначе, как эти быки вообразили себя мудрыми мафиозными донами, насквозь видящими истину всегда и везде. Мановением толстых пальцев, украшенных монументальными

перстнями, они с умным видом гоняли своих шестерок что-то посмотреть, у кого-то о чем-то спросить. Господи, да что же делается-то в стране, черт ее побери!

В сторонке, словно дети на взрослой демонстрации, жмутся в кучку местные товарищи по оружию, а молодой следак и вовсе трет ладошкой набухающий лиловым огромный синяк.

Этого безобразия душа опера уже вынести не смогла. Пришлось подойти к коллегам и в кратких, но максимально емких выражениях высказаться об увиденном и в особенности о ментах, превратившихся, мягко говоря, в бандитские подстилки. Судя по равнодушным глазам аудитории, не убедил, но шевелиться и наводить подобие порядка заставил – деловых с шестерками убрали с участка, следак начал-таки писать протокол осмотра места происшествия, эксперты раскрыли свои чемоданчики, защелкали фотоаппараты.

Можно работать? Фигушки. Норматив сюра на этот проклятый день оказался выбранным не до конца. Апофеоз, как и положено, должен быть эпичен! И это яркое шоу исполнил славный подмосковный ОМОН под руководством не менее славного шестого отдела подмосковного главка. Герои в черном ворвались на участок, красиво перемахнув через монументальный забор и начисто проигнорировав незапертые ворота. И сразу отработанными приемами стали укладывать мордой в землю всех подряд. Те, кто валился недостаточно усердно, огребали чем попало и куда попало. Несчастный коллега восстановил симметрию на лице, получив берцем под другой глаз.

Всю эту батальную сцену Щербатов наблюдал из положения лежа, предусмотрительно уткнувшись в аристократический газон и отвернувшись от лежащей рядом кучи собачьего дерьма. Не до комфорта, главное – не схлопотать ботинком по любимой печени.

А в открытые настежь ворота гордо вошли два героя. Молодые лейтенанты, которых отобрали в отдел по оргпреступности за могучий разворот плеч и яростный блеск в глазах. Бывалые опера, похоже, успели рассказать щенкам про их крутизну, но забыли научить работать. И вот эти орлята, оставшись на выходные без отеческого присмотра, решили дать мастер-класс районным коллегам. Они искренне считали себя героями дня. Правда, до того момента, пока поднятый с газона мужчина в измятом и изгвазданном, еще недавно приличном костюме не предъявил удостоверение министерства. Только тогда до сопляков стало доходить, что они в чем-то неправы.

И в довершение, когда уже забрезжила робкая надежда на скорое начало нормальной работы, наступил финальный акт. Прибыли местные начальники и шустры представители свободной прессы во главе с телевизионщиками. Вырванные из-за столов с непременными шашлыками, разя сшибающим с ног перегаром, они устроили гвалт, напрочь похоронивший даже призрачные надежды на раскрытие по горячим следам. Какие там горячие, хоть какие-то теперь найти. Максимум, на что хватило Щербатова, это пройти по дому и осмотреть трупы.

Похоже, что свой последний день Кошмарик провел весело. Всего в шикарном, словно царские палаты, доме нашли двенадцать покойников. На первом этаже – пятеро в черных костюмах, белоснежных рубашках и строгих галстуках, при оружии, которым не успели или не сумели воспользоваться. Видимо, ребята копировали киношных бодигардов, пачками укладывающих на американский асфальт злобных киллеров под яркими софитами далекого Голливуда. Жаль, что крутыми профи они только выглядели.

На втором – семь голых трупов. Трое немолодых мужиков и четыре девчонки. Красивые, совсем юные.

Мужчины успели сориентироваться, пытались убежать – их убивали в спину. А девчонок согнали в кучу и хладнокровно расстреляли почти в упор, по следам пороха на телах это было очевидно. Они умерли мгновенно, на лицах застыл ужас, рты открыты в последнем крике.

Жуткая картина, но, к сожалению, привычная. Не в первый раз.

Бывало и такое, бывало и похуже. Но... Есть то, с чем Щербатов никогда не сталкивался и даже не слышал о таком. Стреляли из пистолета, судя по гильзам – обычный «макар», только

вот ранения... В каждом теле две раны, расстояние между которыми – не более сантиметра! Это что за снайперы такие? Зачем? Почему? Ничего не понятно, и домой хочется, сил нет как.

Однако служба есть служба, пришлось проторчать в Малаховке до завершения этой жалкой пародии на оперативно-следственные мероприятия. Домой приехал далеко за полночь, злой, грязный, усталый.

Уже засыпая, вспомнил – надо было доложить шефу... Да пошел он, перебьется. Надо будет – сам позвонит.

В понедельник Щербатов ехал на работу как на праздник. И вовсе не от трудового энтузиазма, а попросту спасаясь от равнодушных взглядов и холодных, рассудительных слов жены, в очередной раз сравнившей свою зарплату с зарплатой «кормильца и хозяина». Именно так и сказала, мол, на чью зарплату новый костюм покупать будем? Этому-то хана, никакая химчистка не спасет. Слава богу, нашелся старый, но еще приличный пиджак и не слишком заглаженные брюки.

А какой из него кормилец, если ментовских доходов на квартплату едва хватает да на бензин для любимой «пятерки», поменять которую уже, очевидно, не судьба.

Нет уж, лучше сутками с работы не вылезать, чем один такой разговор пережить.

Утро вновь началось со звонка Ферапонтыча.

– Зайдите!

Традиция у него, что ли, такая появляется – по утрам именно его и именно этим словом вызывать? Что ж, поддержим начальство, если так.

– Вызывали, Андрей Ферапонтович?

Кузьмин отодвинул лежавшие перед ним бумаги, взял в руки какой-то документ, которым грозно указал на Щербатова.

– Жалоба на тебя пришла, аж целый шестой главк генералу наябедничал.

– Не понял, товарищ полковник. Где я и где шестерка? Я им что, мозоль любимую отдал?

– Вот только язвить не надо, товарищ майор. Там, – он многозначительно указал тем же документом в потолок, – работают люди серьезные, по пустякам беспокоить начальство не будут, только по серьезным вопросам. Например, когда сыщики их великие разработки одним фактом своего присутствия разваливают. На месте преступления, я имею в виду.

– Это вы про субботнюю эпопею, что ли? Так там их и не было никого. Только два пацана из подмосковных. И чем я им помешал? А главное, когда настучать успели? В воскресенье генералу домой кляузу возили? Интересно, зачем?

Кузьмин набрал воздух для обличительной речи в адрес нерадивого подчиненного, но передумал и, махнув рукой, просто разъяснил ситуацию:

– Да все как обычно. Дело дохлое, все следы затоптаны да затерты, накопорешили все, кто мог, кто не мог и кого там даже близко не должно было быть. Теперь ищут стрелочника, остановились на твоей кандидатуре. Так бы все и прошло, если б не шеф. Он эту фишку с ходу просек, но и склоку решил не затевать. Поэтому громы и молнии метать не станет, в твою сторону особенно, но дело нам поручил. Конкретно – мне.

– То есть теперь розыск будете вести вы? – ошарашенно спросил майор. – Когда такое было, чтобы целый начальник отдела ГУУРа лично убийц ловил?

– Во-первых, не вы, а мы, вместе с твоим отделением. Во-вторых, на нас повесили не только ловлю убийц, но и всю разработку банды Кошмарика, благо источник у тебя мировой, с таким грех опростоволоситься. Кстати, завтра жду рапорт о состоявшейся вербовке.

– Да я хоть сегодня...

– Разумеется, – Кузьмин театрально развел руками, – в пятницу генерал вербовку разрешил, а в понедельник опер уже и отчитался. За идиота его держать не надо. Сказано завтра

– значит, завтра. А сегодня дуй в шестерку, потолкуй по-свойски с операми – что у них есть по тому делу из реального. Сам понимаешь, после таких перипетий они нам только хрень пришлют, все серьезное из дела с мясом повыдерут. Так что созванивайся – и вперед. Можешь по девятке⁷ выпить-закусить купить, как раз на вербовку и спишешь. Утвержу, дело благое все-таки. Один хрен неизвестно, за что тут хвататься.

– Не совсем так, Андрей Ферапонтович, – осторожно заметил Щербатов. – Была там одна странность, но вот что она значит, не могу понять.

– ?!

– Характер ранений. Сколько трупов я повидал, но такого... Каждому досталось по две пули, обе точно в сердце, словно дырки двумя пальцами проткнули.

– В смысле – рядом легли? Слушай, а это не флеш, часом? – оживился Кузьмин.

– Какой такой флеш? – не понял майор.

– Стрельба, которой учат лишь в трех подразделениях ЧК. Остальные по уставу стреляют, как и в милиции, а этих специально на Кубу возили да в Никарагуа. Слушай, а ведь это зацепка! И неслабая, реальный такой вариант. Только уже не мы будем им заниматься, так что сосредоточься на разработке банды. А я на родину, в смысле – на Лубянку, пообщаюсь со специалистами. Все, действуй, завтра поговорим.

---

⁷ Статья 9. Смета расходов – расходы на оперативные мероприятия, в том числе на угощение оперативных контактов.

Глава II

Кузьмин

После ухода подчиненного Кузьмин задумался. Стрельба флеш... О ней он узнал случайно. Рассказал опер, которого пару лет назад по здоровью перевели в их отдел из ОУЦа⁸. После травмы, полученной в банальном ДТП, похищать американских президентов он уже не мог, но для оперативной работы был еще годен вполне.

Вот как-то и рассказал он, что в лихие годы сухого закона, когда в Америке гангстеры не раздумывая крошили и друг друга, и полицейских, и вообще всех, кто под руку подвернется, полицейским надо было в перестрелках побеждать.

Вначале, как и положено обстоятельным джентльменам, янки провели исследование и установили, что пистолеты да револьверы эффективны лишь не далее пятнадцати метров. Затем выяснили, что частенько слуги закона гибли от инстинктивных ответных выстрелов уже сраженных противников.

Тогда-то и была придумана эта стрельба двойными, когда первая пуля убивает, а вторая добивает и отбрасывает мертвое тело. Из Штатов она перекочевала на юг, в том числе и на Остров свободы⁹, где прочно обосновалась в кубинском спецназе. И уже кубинцы обучали спецназ КГБ своим премудростям. Но только именно спецназ – антитеррор, служба охраны и разведка. Остальные чекисты стреляли из пистолетов по старинке, одиночными с вытянутой руки. И уж тем более такому не учили ни армию, ни милицию.

Так что убийц предстояло искать среди своих. Может быть, и отставников, только все равно своих. Увы, но это так. Поэтому, пока мент, столь искренне негодующий из-за необходимости подчиняться чекисту, будет пьянствовать с коллегами из шестерки, придется заняться делом.

Вначале связаться с тем опером из ОУЦа. Гена – отличный парень, надежный, как АКМ, которым, к слову, владеет, словно Паганини скрипкой. Как играл Паганини, Кузьмин, надо признаться, не слышал, но вот что вытворял с оружием Гена – видел на стрельбище, и не раз. Жутковатое, надо признать, зрелище, особенно если представить себя на месте мишеней. Не хотелось бы оказаться среди тех душманов, которых еще недавно крошил в Афгане его коллега.

Сейчас Гена работал в том же отделе, делами, по слухам, был перегружен под завязку. Только странное что-то творится в последнее время в родной конторе – пашут чекисты как проклятые, а страна летит хрен поймешь куда, но, кажется, не к светлому будущему.

Ладно, нечего раскисать. Вот телефон, звоним.

– Аллю.

– Гена, привет, дорогой, Кузьмин беспокоит.

– Привет, Ферапонтыч, как поживают славные мусора? Как план по поимке душегубов? Выполняется?

– А как же! План – закон, выполнение – долг, перевыполнение – честь. Вот сейчас для перевыполнения твоя неоценимая помощь потребовалась.

– Что, кто-то пару лишних лет по земле ходит? Да запросто решим вопрос, ты только с начальством моим согласуй, – в трубке раздался разухабистый смех. А Кузьмин вспомнил, как, отработав в отделе неделю, Гена на голубом глазу предложил реализовать разработку, взорвав

---

⁸ Отдельный учебный центр – одно из названий отдела Управления «С» Первого главного управления КГБ СССР. Спецназ разведки, известен как группа «Вымпел».

⁹ Куба.

к чертовой матери группу контрабандистов. Мол, дело несложное, надо лишь немного с их машиной поколдовать. И следов никаких не останется, он гарантирует.

– Дружище, я серьезно. Тут в выходные десяток человек кто-то порешил. Нужна твоя консультация.

– Это в Малаховке, что ли? О чем по всем каналам трубят? Да с дорогой душой! Давай звони шефу, и я в полном твоём распоряжении.

С чекистским руководством договорились быстро, благо знали друг друга не один год, так что уже через час Кузьмин на служебной машине подъезжал к скромному двухэтажному зданию на Кузнецком мосту, в котором располагался его бывший отдел.

Гена уже ждал на улице и всю дорогу до морга трепался, жалуясь на сидячую работу и море бумаг, что приходилось писать буквально на каждый свой шаг.

– Нет, ну это мыслимо? Я посчитал – десяток листов ежедневно! И это не считая заданий, проверок и прочей лабуды. Да я за это время, поди, «Войну и мир» написал, вместе с «Анной Карениной»! А где благодарность? Где, спрашивается, членство в Союзе писателей? Путевки в их санатории, дома отдыха? Представь, сидел бы я чинно на скамеечке, а мимо артистки в купальниках туда-сюда, туда-сюда, красивые...

– Ага, а рядом любимая жена с любимой сковородкой. Заткнись, трепло, будут тебе сейчас в морге голые красавицы, вот на них и любуйся. Вылазь, приехали.

Гена обиженно замолчал и демонстративно дулся до самой покойницкой. Лишь когда увидел тела несчастных, прекратил дурачиться. Раны осмотрел быстро, зато потом долго разговаривал с патологоанатомом, проводившим вскрытие, делая пометки в блокноте.

Выйдя из морга, поинтересовался, готова ли экспертиза пуль и гильз, и, узнав, что на это уйдет пара дней, коротко сказал:

– Давай в Малаховку. Надо на месте осмотреться.

В доме Кошмарика все еще работала бригада. Следователь прокуратуры, старый битый волк лет сорока, принявший дело, навел железный порядок, ничем не напоминая тот бардак, о котором утром докладывал Щербатов. Вокруг забора стояло оцепление, пройти через которое мог только тот, кто действительно был нужен следствию. Криминалисты и опера работали не торопясь, вдумчиво и планомерно.

На Кузьмина посмотрели с недоумением, как на не к месту понаехавшее начальство, путающееся под ногами и раздражающее своей паталогической бесполезностью и бестолковостью.

А вот действия Гены удивили. Он не высматривал следы, не ползал с лупой по полу. Сложив руки, словно сжимая воображаемый пистолет, он плавно перемещался по залу, ориентируясь на обведенные мелом силуэты убитых. Иногда резко поворачиваясь, то поднимаясь в рост, то припадая на колено, словно перетекал из одного положения в другое. И было в его взгляде что-то, напрочь гасившее всякое желание не то что пошутить, но хотя бы прокомментировать это необычное поведение.

Первый этаж, лестница, второй этаж.

Такого никто из следственной бригады раньше не видел, этому их не учили, этого даже не показывали в кино. Движения завораживали своей пластичностью и точностью, от которых становилось жутковато бывалым спецам. Невысокий, совсем не атлетического вида мужчина был, безусловно, опасен, как опасна змея, что лениво греется себе на солнышке перед мгновенным, неминуемо смертельным броском.

Тем временем Кузьмин побеседовал с операми, опрашивавшими соседей. На этой улице, застроенной огромными вычурными коттеджами, спрятанными за высоченными заборами, соседи друг друга просто не видели, но одна женщина, уборщица в соседнем доме, когда около полуночи уходила с работы, видела, как к дому Кошмарика подъехал «жигуленок». Ни цвета, какой цвет ночью, ни тем более номеров она, естественно, не запомнила, но из машины вышел

мужчина, достал из багажника здоровущую коробку и понес в дом. Приметы? Ни единой, кроме длинных волос и роста – встретившему его охраннику мужчина едва доставал до плеча.

Да, около полуночи, именно так определили время смерти убитых. И никакой коробки в доме – скорее всего, убийца унес ее с собой.

А тревогу подняла служанка, когда около десяти утра безуспешно пыталась достучаться до охранников, чтобы приступить к работе.

Такие дела. Теперь ищите, товарищи мусора, убийцу, сколько вашей душе угодно.

Когда возвращались, Кузьмин спросил мнение о происшедшем у специалиста по мокрым делам.

– Наши, – тяжело вздохнув, ответил Гена. – ОУЦ, никаких сомнений. Зайти, уйти, не оставив следов... наша подготовка, увы. Да и рост... Наверное, и в девятке¹⁰, и в группе «А»¹¹ такие недомерки, как я, служат, только там их пара-тройка. А вот у наших – полно, нам гераклы не очень нужны, им у нас выжить трудно. Причем, заметь, еще до всяких экспертных заключений я утверждаю, что киллер был один. Ты представляешь его класс? Есть, разумеется, вариант забулгорного мастера, его тоже проверь, но это уже так, для очистки совести.

Следующим вечером на Лубянке Кузьмин присутствовал на совещании высоких руководителей.

В большом, светлом, отделанном дубовыми панелями кабинете за столом из карельской березы собрались его шеф, начальники группы «А» и ОУЦа, замначальника девятки. Четыре генерала, ранее встречавшихся лишь на торжественных мероприятиях.

Сейчас решали проблему, еще пару лет назад казавшуюся нереальной, – надо было найти офицера, прошедшего специальную боевую подготовку, ростом не выше ста семидесяти сантиметров, который мог в прошлую субботу находиться в подмосковной Малаховке и, словно в тире, расстрелять двенадцать человек.

За полчаса было принято решение о проведении внутренних проверок, результаты которых должны быть готовы уже через две недели.

И никто не сказал, что погибшие не были святыми – убийство всегда остается убийством. А то, что убивал свой, чекист... это ничего не меняет, от этого только больнее.

---

¹⁰ Девятое управление КГБ СССР – охрана первых лиц государства. Ныне – ФСО России.

¹¹ Группа «А» 7-го Управления КГБ СССР, известна как «Альфа».

Глава III

«Комаров»

Он шел по Ленинскому проспекту, привычно лавируя в плотном потоке прохожих. Шел быстро не потому, что спешил, а по старой, еще студенческой привычке торопиться на лекцию, на тренировку, на свидание. Пять лет прошло после того, как талантливого студента вышвырнули с последнего курса, а за что, спрашивается? Всего лишь помог оборотистым ребятам бизнес наладить – джинсы они строчили, да такие, что американским ничем не уступали.

Впрочем, это сейчас «бизнес» называется, а тогда «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество», статья 153 УК РСФСР, во как! Срок дали условный, но из университета выперли конкретно, не посмотрев на отличные оценки, дабы не позорила эта паршивая овца светлое имя колыбели советской науки, да и другим овечкам чтоб неповадно было.

Плывать, нашлись добрые люди, подобрали, обогрели, оценили, в конце концов! Хорошо оценили, так что бывшие однокурсники черной завистью завидуют. Все сложилось, как казалось еще совсем недавно. До тех самых пор, пока в мусорном баке в подмосковных Люберцах не нашли изуродованное тело Гришки. Парня, с которым вместе вкалывали на светлое будущее Рустама Гургеновича – мужчины серьезного и делового. А то, что его некоторые Кошмариком звали, так мало ли какие погоняла на зонах вешают. Ну и что, что зона, чай сам там едва не оказался.

Тогда-то и познакомился он с Василием Петровичем. Поначалу посмеивался над недалеким мусором, наивно записывавшим всю ту лабуду, что ему, нахально посмеиваясь, скармливали деловые.

Потом Щербатов пригласил на очередной допрос. Только в этот раз вопросов задавать не стал, просто предложил вместе проанализировать известные им обоим факты. И как-то так их сопоставил, что стала очевидной простая истина – пытали и убивали по приказу Енукидзе, заподозрившего, кстати, совершенно напрасно, несчастного Гришку в работе на конкурентов.

Ошалев от этого открытия, он и согласился выполнить первую просьбу опера – подложить в еще не разобранные Гришкины бумаги мятый запечатанный конверт. Что в нем было и зачем это потребовалось ментам, он не интересовался, лишь отзвонился Щербатову, когда тот конверт нашли люди Кошмарика.

А через неделю взяли Гуська, в смысле Евгения Васильевича, фамилию которого, впрочем, никто и не знал. В глаза звали по имени-отчеству, между собой – Гусек да Гусек. Только дело того Гуська до суда дошло. За Гришку, за еще шестерых человек, убитых, как сказано в приговоре, с особой жестокостью, поставили его к стенке, привели в исполнение приговор.

Кошмарик после той истории злой как черт ходил, клялся лично на куски порезать гнусного стукача, что Гуська сдал, куда только интеллигентность делась. Но угрозы так угрозами и остались. Раскрыть комбинацию Щербатова блатным оказалось не по зубам.

С тех пор помог еще двоих из банды повязать, да так, что и те не открутились. Правда, до вышки доморощенные мафиози не дотянули, но дубы косить поехали ой как надолго.

А на прошлой неделе Василий Петрович предложил заняться борьбой с бандитами профессионально. Не в том смысле, что за зарплату, денег у ментов столько нет, сколько он зарабатывает, но за идею. Смешно? Ему когда-то тоже было смешно, особенно после того, как из универа выгнали. По идейным соображениям, не иначе.

Но уже когда своими глазами увидел, как бандиты отнимают деньги у кооператоров, как пытаются, как похищают жен и детей... Нет, этому надо положить конец. Не быстро, это понятно, не завтра, не через год, только если ничего не делать сейчас, завтра эта сволочь станет все-сильна, и тогда уже с мечтой построить свое дело, стать не просто богатым, но уважаемым человеком, с которым западные воротилы будут за руку здороваться, да, с этой мечтой придется распрощаться навсегда.

Ничего этого сказано не было. Просто на обычном листе бумаги было написано: «Обязуюсь оказывать содействие милиции в выявлении и пресечении преступлений. В целях конспирации свои сообщения буду подписывать псевдонимом “Комаров”». Подпись, число. Почему «Комаров»? Да просто первая фамилия, пришедшая в голову. Никого из родственников и знакомых с такой фамилией у него не было. Василий Петрович на это особое внимание обратил.

Итак, жарким майским днем «Комаров» шел по Ленинскому проспекту. У магазина «Мелодия» встретил Щербатова, но не поздоровался, лишь едва заметно кивнул и направился вслед за опером, словно именно туда ему и надо.

Также следом вошел в обычный подъезд обычного дома, поднялся на третий этаж, Щербатов открыл дверь одной из квартир и жестом пригласил агента войти. Только потом они пожали друг другу руки.

– Проходи, дружище, располагайся. Отныне встречаться будем здесь.

«Комаров» окинул взглядом однокомнатную квартиру. Как говорится, бедненько, но чистенько.

Давно не беленный потолок, стены оклеены выцветшими обоями, окна, правда, помыты, рамы выкрашены. Обстановка... старенький буфет, в котором небогатый выбор простеньких рюмок и фужеров, стол, покрытый обыкновенной клеенкой, в углу заправленная кровать. Есть подозрение, что ни простыни, ни наволочки с пододеяльником под покрывалом нет.

– Если случайно кто тебя рядом увидит, говори смело, что встречаешься здесь с подружкой, зовут Юля, посмотри на ее фото, вот, – Щербатов достал из черного «дипломата» фотоальбом, – запоминай. И телефончик ее запиши. Звонить по нему только в крайнем случае, если всерьез припечет, не дай бог. Бери, любуйся, а я пока чайку поставлю. Можно и чего покрепче, но ты, я знаю, за рулем. Или?

– За рулем, Василий Петрович. Спасибо за предложение, но давайте ваш альбом.

Таинственная Юля была хороша. Вот она в вечернем платье на каком-то богатом приеме, вот в джинсах в кругу молодых парней и девчат, вот в купальнике на морском берегу. Красива, однако! Загляденье просто.

– Василь Петрович, а нельзя с ней лично познакомиться?

– Можно, но лучше не надо. Дольше проживешь.

От этих слов настроение упало, но не сильно.

– Она что, теперь спасать меня станет?

– Это как получится. Может спасти, а может и наоборот, особенно если без дела названивать станешь. В общем, не отвлекайся, запоминай.

Тем временем на стол поставлены чашки, обязательно два чайника – с кипятком и заварной с темной, почти черной заваркой, из портфеля извлечено печенье. «Юбилейное», разумеется.

Разговор начался со «Спартака», с того, что Романцеву удалось удержать клуб на плаву, но сейчас, без Черенкова и Родионова, чемпионат им не выиграть.

Лишь обсудив футбольную тему и согласившись, что для любимой команды не все потеряно в розыгрыше кубка, они перешли к делу.

– Место Кошмарика, скорее всего, займет Ара-Морячок. Дело почти решенное, хотя многие старые воры и возражают. Только времена изменились, у стариков, разумеется, блатной

авторитет, зато у Ары деньги. И возможностей заработка побольше – его родной брат в Штатах давно обосновался, теперь братья хотят что-то с тамошними замутить.

– Ара-Морячок? Кто такой? Почему не знаю? – словами знаменитого коллеги поинтересовался Щербатов.

– Так вы и не спрашивали! – «Комаров» виновато пожал плечами. – Вас обычно боевики интересовали, а Ара человек тихий, никакими разборками, тем более наездами, отродясь не занимался. Честно сказать, я вообще не очень понимаю, что у него за дела, но блатные его уважают, это точно. Да я вообще-то мало о нем знаю. Только что армянин и что во флоте служил, оттуда и погоняло. Кстати, Ара говорит, что Кошмарика мусора завалили, вроде как есть у вас теперь какая-то «Белая стрела», которая законников не сажает, а просто мочит.

– Ага, заодно и охранников, и проституток, и вообще всех, кто под руку подвернется. Не повторяй блатные бредни, вот тебе бумага, пиши то, что действительно знаешь. И запомни: сейчас твоя главная задача – удержаться, а еще лучше – стать очень полезным этому краснофлотцу.

Уже уходя, «Комаров» все же решился задать вопрос:

– Василий Петрович, а что было в том конверте... ну, вы помните, который я в Гришкины бумаги сунул.

– Ничего особенного. Так, записка от тех, кому он якобы информацию сливал, да еще и с домашним телефоном, считай, что с адресом. Гусек-то с Гришкой облажался, а тут прямо-таки неубиенное доказательство. Опять же получателям информации можно было предъяву кинуть – прекрасный вариант авторитет у Кошмарика заработать. Вот он со своей бандой на разборки и поперся. С оружием нагрянули, крутые до невозможности, сразу стрелять начали. А хрен ли стрелять, если их наши ждали да всю подготовку к налету задокументировали. Так повязанная пехота его влет с потрохами сдала, чтобы самим кирпич не нюхать. Только без тебя ни черта бы у нас не получилось.

– Вы вот это сейчас зачем сказали? – напрягшись, спросил агент. – Вроде как если что не так, расскажете Кошмарику, и хана мне?

Щербатов подошел почти вплотную и твердо, глядя прямо в глаза, ответил:

– А вот за это можешь вообще никогда не волноваться. Что бы ни случилось, никто, ни при каких раскладах о наших с тобой делах никогда не узнает.

И, словно оттаяв, улыбнулся и озорно подмигнул:

– Все, давай с богом, увидимся через неделю.

Глава IV

Жамнова

Люде Жамновой повезло в жизни. Не сразу, уже после того как на недавно еще серьезном заводе, выпускавшем лучшие в стране станки, как и во всей стране, начались трудности – не стало заказов, засбоили поставщики. В результате, когда был сокращен плановый отдел, где Люда трудилась экономистом, казалось, что жизнь кончилась. Потому что сокращаться, а то и вовсе закрываться стали все окрестные предприятия. Устроиться на работу в подмосковных Люберцах стало нереально, и все вокруг ясно поняли, что в наступающей тьме нет и не будет уже никакого просвета.

Особенно туго приходилось девчонкам. Парни, особенно те, что покрепче, уходили в «бригады», что как грибы после дождя стали возникать вокруг местных качалок. Чем они занимались, Люда не принимала, но ее мнения почему-то никто не спрашивал. Тем более что дела в тех бригадах шли, очевидно, в гору. Еще недавно простые мальчишки из рабочих семей словно по мановению волшебной палочки становились крутыми, стриглись под короткий бобрик, обзаводились малиновыми пиджаками, длиннющими пальто и золотыми цепями в палец толщиной. Рассекали по городу на иномарках, в которых возили в кабаки своих разряженных как новогодние елки подруг.

Симпатичной Людочке не раз предлагали стать именно такой подругой одного из этих орлов. Не стала. То ли воспитали ее родители неправильно, то ли сама придумала себе сказку про принца, но к своим двадцати трем годам она так и не обзавелась достойным кавалером. Впрочем, и недостойного у нее не было.

Зато удалось устроиться в магазин в соседней Малаховке, где ей предложили должность «менеджера по удаленным клиентам» с весьма приличной зарплатой. Должность звучала непривычно и солидно, а по сути – сидела девушка у телефона и записывала, кому из клиентов когда и какой набор продуктов надлежит доставить. Рассчитывала стоимость и, если звонивший соглашался, формировала заказ да отправляла его с одним из водителей, Колей или Витей, рассекавшим по окрестностям на старых зеленых «жигулях». Работа спокойная, не грозящая никакими нервотрепками, лишь делай ее аккуратно. В том числе записывай в специальный журнал, кто и когда звонил, что пожелал да во сколько машина с заказом уехала.

Так она считала еще вчера. Потому что сегодня пришли какие-то менты, хамы, кстати сказать, натуральные, и нагло потребовали тот самый журнал. Люда, как учили, сделала круглые глаза и так прямо им и заявила, что знать никаких журналов не знает и никогда их даже и не видела.

А эти быки некультурные заявили, что будут проводить обыск, привели каких-то помятых мужиков, назвав их понятыми, и нашли-таки! На требование срочно примчавшегося директора магазина предъявить подписанный прокурором ордер послали его в известном направлении, составили какой-то протокол да заставили еще в нем и расписаться. Правильно о них в газетах пишут – гады они. Только и мечтают, как невинного человека за решетку отправить.

От этого настроение у Люды испортилось настолько, что, сдав смену, шла она домой, ничего не замечая. Как вдруг около самого подъезда ее окликнули:

– Людмила Сергеевна, можно вас на минуточку!

Мент, тот самый, белобрысый с кошачьими усами, что участвовал в сегодняшнем, с позволения сказать, обыске. Вот ведь сволочь, неймется ему.

– Что надо? – Люда даже не попыталась казаться вежливой.

– Прошу вас, надо в отделение подъехать, у нас несколько вопросов, – легавый жестом пригласил сесть в потрепанную «пятерку».

Вот скоты, делать им нечего, только людям после работы досаждают! Ведь сидит его начальник на прикормке у наших, но не желает подчиненным дебилам укорот дать. Мало ему заносит, что ли? Придется ехать, а то, не дай бог, у магазина проблемы будут – этот отморозок, пока его свои не выпрут, их обеспечить вполне сможет.

О том, что у отморозка-собеседника рабочий день давно закончился, она не подумала. Так же как и о том, кого именно она мысленно назвала «нашими».

– Меня зовут Василий Петрович, а то мы с вами днем так толком и не познакомились, – представился мент, когда они вошли в тесный обшарпанный и прокуренный кабинет отделения милиции.

«Пытается играть в джентльмена, орясина», – неприязненно подумала Люда. И в прежнем тоне ответила:

– Так чего надо?

– Не сердитесь так уж, Людмила Сергеевна! Всего несколько вопросов, и я лично отвезу вас домой, обещаю. Вопрос первый: в пятницу, в двадцать три двадцать семь вам был сделан заказ гражданином Енукидзе Рэ Гэ, а в журнале заказов, том самом, что мы сегодня изъяли, он почему-то не отмечен. Можно узнать – почему?

– Все заказы я отмечаю всегда. – Люда искренне надеялась, что ответ прозвучал уверенно, несмотря на предательски похолодевшее лицо.

– Людмила Сергеевна, ну что такое, право! Мы же оба знаем, что вы сейчас солгали. Сами посудите, я называю точное время, могу даже заказ перечислить! Вот: три бутылки шампанского, три бутылки водки, две банки черной икры, три ананаса, по два килограмма винограда и бананов, два копченых свиных окорока, килограмм сыра маасдам и два килограмма докторской колбасы – правильно? Сколько это стоило с учетом доставки, сказать? Так почему заказ и не отмечен и не исполнен? Или в тот день господин Енукидзе перестал быть уважаемым клиентом? Кстати, вы знаете, что вскоре после именно этого заказа его убили? И еще одиннадцать человек. Так кто вы, Людмила Сергеевна? Свидетель или соучастник? Мне сейчас какой протокол допроса доставать?

Пока мент говорил, у Людочки все сильнее сжималось сердце, все труднее становилось дышать. Нет, нет, нет, на это она не подписывалась! Она даже подумать не могла, что связана с убийством самого Кошмарика!

– Я... я ни в чем не виновата... – Куда только подевалась бравада, голос прозвучал робко и очень, очень тихо.

– Честное слово? Вы уверены? Тогда рассказывайте, не стесняйтесь. Поверьте, невинному человеку и скрывать нечего. И не бойтесь ничего, уверяю, о нашем разговоре никто не узнает. Вот видите, я даже все протоколы убираю. Итак?

А что «итак»? Ну да, был такой заказ. В тот вечер директор магазина остался на работе, документы какие-то ему проработать там или цифры какие подбить надо было. И работал он с ними в кабинете Люды, чтобы, стало быть, не скучать. И как-то весело они сидели, тот еще бутылку вина принес, виноград, даже ананас порезал. Да и звонков было немного. Директор все подшучивал, мол, такая красавица у него работает, могла бы и побогаче жить, если б захотела. Но так, несерьезно намекал, в шутку, у него ж семья, дети, он человек солидный, не ловелас какой. А как раз когда Кошмарик позвонил, у него словно башню снесло – приставать стал, да с жаром, с подходцем эдак, прямо как Отелло. Денег предлагал, аж двести долларов, ни фига себе!

В общем, не устояла девушка. А когда все кончилось – мама дорогая! Заказ самого Кошмарика не выполнен, которого вся Малаховка боится! Вот директор и сказал, что, мол, звонил

наверняка не сам Кошмарик, а кто-то из его помощников. Но ведь тот мог и схалтурить, забыть позвонить? Так что давай, говорит, черновики я унесу, а ты ничего не пиши в тетрадь. Вроде как и не было никакого звонка!

Так что когда утром узнали, что Кошмарика убили, Люда прямо обрадовалась, хоть и грех это. Зато никто не спросит за невыполненный заказ, можно дальше жить!

А тут эвон как все сложилось-то.

Когда Жамнова закончила рассказ, Щербатов только за голову схватился. Это ж надо быть такой душой! Она что, ничего не понимает? Похоже, да. Ох и счастливая у дураков жизнь, жаль, что недолгая.

– Людмила Сергеевна, спасибо за рассказ. Я действительно ваши показания оформлять не буду и вас домой отвезу прямо сейчас. Одна просьба – никогда, никому, даже самому близкому человеку о нашем разговоре не рассказывайте. Вы нам очень помогли, и именно поэтому забудьте, опасно это может быть.

– Конечно, конечно, Василий Петрович, – как могла уверенно ответила Люда. Только, увы, думала она в этот момент совершенно о другом. Как и многие женщины, к сожалению, она слышала не то, что ей говорили, а то, что считала для себя важным. Поэтому услышала, что помогла, но пропустила мимо ушей предупреждение об опасности. Главным был – директор магазина. Неважно, что женатый, что намного старше, зато обходительный и богатый, поэтому необходимо срочно предупредить его об интересе этих долбанных мусоров, погрязших в беззаконии и крестинизме!

Решение было принято, и первое, что сделала Люда, придя утром на работу, это, разумеется по большому секрету, все рассказала. Потому вечером возвращалась домой в прекрасном настроении.

– Девушка, придержите дверь, пожалуйста! – на входе в подъезд ее нагнал невысокий светловолосый крепыш.

«Странно, разве у блондинов бывают карие глаза?» Эта мысль оказалась последней в ее короткой жизни. Острая боль в сердце, мгновение, и все кончилось. Убийца аккуратно положил тело на пол и спокойно вышел на улицу. Несмотря на то что во дворе было полно народу, внимания на него никто не обратил.

В тот же вечер был убит директор магазина. Два выстрела в сердце. Расстояние между пулями – менее сантиметра.

Глава V

Щербатов

На совещание к генералу Валько он был приглашен впервые. В лицо начальство, конечно, знал, но чтобы лично общаться – такого не бывало. Не по чину, на то коммунисты-руководители имеются. А сегодня что – медведь в лесу сдох?

С утра его вызвал Кузьмин и приказал ровно к трем быть готовым лично отвечать на вопросы о работе по «Гиенам». Так дело на банду покойного Кошмарика называется, которое из шестерки прислали. Любят у нас зоологические названия. «Гиены», «Скорпионы», «Грифы» – весь зоопарк разобрали, остались попугаи и синички, но, видать, и до них скоро дело дойдет. Разработка по банде «Синички» – звучит!

Но это так, к слову. А на самом деле все отделение полдня приводило бумаги в должный вид – разложить, подшить, пронумеровать, описи составить, справки написать. Нудно, скучно, но куда деваться? Все должно быть аккуратно, красиво, генералы – они такие, порядок уважают.

С трудом, переругавшись в матери, но успели, сделали, и сейчас Щербатов спокойно сидел за монументальным столом в огромном кабинете в компании неизвестных мужчин, не посчитавших нужным представиться. Видимо, остальные участники совещания друг друга прекрасно знали. Судя по разговорам, серым костюмам и неброским галстукам – комитетчики. И то сказать, кто еще в кабинете генерала милиции себя так вольготно вести станет?

Вообще-то, он рассчитывал тихонечко отсидеться, отмолчаться в уголке, не высовываясь. Не вышло, генерал сразу взял быка за рога:

– Итак, товарищи, начнем. Основной вопрос на сегодня – убийство гражданина Енукидзе. Кто у нас разработчик? Вы, товарищ майор? Вот и доложите, что сделано за месяц.

– На сегодня получены результаты судмедэкспертизы трупов, судебно-баллистической и дактилоскопической экспертиз, допрошено сорок семь человек...

– Стоп, стоп, – прервал доклад генерал. – Василий Петрович, не надо здесь рассказывать, сколько подметок вы стоптали, разыскивая душегубов, поберегите наше время. Нас интересуют простые и понятные вещи: выводы, версии и планы дальнейшей работы. Итак?

– Извините, товарищ генерал, докладываю. Установлено, что все убийства в доме гражданина Енукидзе были совершены одним человеком, но с использованием двух пистолетов ПМ¹², снабженных штатными ПБС¹³. По основной версии, в двадцать три двадцать семь Енукидзе по телефону сделал продуктовый заказ в магазине «Солнышко». Разговор зафиксирован, поскольку его телефон находился на контроле у шестого главка. Заказ приняла сотрудница магазина гражданка Жамнова, однако оставила его без исполнения и не зафиксировала не только в официальной, но и в черной бухгалтерии магазина. Причина – действия директора магазина гражданина Василенко, вероятно, разыгравшего внезапную вспышку страсти к гражданке Жамновой в момент приема ею заказа. Об этом мне рассказала сама гражданка Жамнова, ее рассказ негласно задокументирован на магнитофон, однако официальный документ по оперативным сообщениям не составлялся. К сожалению, на следующий день Жамнова и Василенко были убиты. Причем Жамнову закололи заточкой, на которой не осталось отпечат-

---

¹² Пистолет Макарова.

¹³ Прибор бесшумной стрельбы (глушитель).

ков пальцев, а Василенко был убит из того же пистолета, что использовался в доме Енукидзе. Характер ранений также аналогичен.

– То есть вы засветили свой контакт с Жамновой? – с усмешкой спросил один из присутствующих – худощавый и долговязый тип, не посчитавший нужным представиться.

Щербатов мысленно чертыхнулся, но сдержался и продолжил подчеркнуто нейтральным тоном:

– Не думаю. За день до убийства я встретил ее на улице поздно вечером, отвез в отделение милиции на своей машине, на ней же подвез назад. По дороге проверился, наблюдения за собой не обнаружил.

– Это не гарантия.

– Только в случае работы профессиональной бригады наружки. Откуда она у бандитов? Несерьезно.

– Согласен, майор. Продолжайте, – прервал перепалку генерал.

– В день убийства, как установлено, и Жамнова, и Василенко уходили с работы в хорошем настроении. Полагаю, что Жамнова сама рассказала Василенко о нашей беседе, тот передал кому-то наверх, и уже там решили зачистить концы.

– Кто решил – есть предположения? – вновь встрял тот же товарищ.

– Магазин контролировал гражданин Григорян Армен Вазгенович по кличке Ара-Морячок. После убийств магазин закрылся. Также Морячок является наиболее вероятным преемником Енукидзе как главаря преступной группы. Выводы, по-моему, очевидны. К сожалению, на самого убийцу у нас выходов нет. Работаем, но пока информации недостаточно.

– Ну, тут мы, кажется, сможем помочь, – вступил в разговор еще один из гостей. – Данные об исполнителе и его действиях проанализированы. По нашему мнению, известным критериям удовлетворяют пять человек. Из них трое – действующие сотрудники, двое – в отставке. Если же предположить, что последние два убийства готовились в спешке и непосредственно исполнителем, подозреваемых остается двое, как раз уволенных. Но для надежности под контроль взяты все пятеро. Работаем по ним месяц, но, как говорится, оперативно значимой информации не получено – они все-таки профессионалы. Так можно год вкалывать без толку, надо что-то придумывать.

Фигасе! Так это действительно комитетчики. И уверены, что убийца из ихних. Интересно... Придумать, говоришь? А что, если...

– Разрешите, товарищ генерал? Сейчас Морячок с ворами власть в банде делит. Так я вот что предлагаю...

Жизнь сыщика, она такая – то пусто, то густо. То пашешь как вол, а на выходе ничего, то вдруг всплывает, как... или... нет, все же как прекрасная лилия, информация, сулящая скорую и неременную реализацию. А уж когда всплывает она вовремя, это и называется оперской удачей. Только на днях «Комаров» сообщил, что за место главаря схлестнулись Ара-Морячок и Сеня-Кремень. Сеня – из старых воров, авторитетных. Коронован лет десять назад, на зоне, как положено. А Ара, он и не вор вовсе, так, барыга, если по понятиям. Вор такому не то что подчиняться не должен, его доить полагается, как корову. Однако времена, похоже, меняются.

До войны дело у товарищей бандитов пока не дошло, но это пока. Так что если сейчас Ару напугать, никуда он не денется, обратится к своему бойцу. Вот использовать этот расклад Щербатов и предложил уважаемому собранию.

– А что, легко! – оживился один из комитетчиков – невысокий, невзрачный, коротко стриженный мужичок неопределенного возраста. До этого он сидел молча, спокойно посматривая на участников совещания благостным взглядом бультерьера. – Отстрелим ему клок волос или ухо – забегает так, что пыль столбом стоять будет.

Легко так предложил, словно милую первоапрельскую шутку.

– Не надо ничего отстреливать! – всполошился Валько. – И вообще стрелять не надо, давайте эту авантюру милиция на себя возьмет. Вы, главное, своих подопечных не упустите.

– Как скажете, – пожав плечами, мужичок мгновенно успокоился, вновь вернув себе равнодушный взгляд.

Когда гости ушли, в генеральском кабинете остался Кузьмин.

– Ну и как тебе, Ферапонтыч, этот Щербатов? Смотри, сейчас по краю такого дерьма пойдем, что если где протечет – не то что мы с тобой, контора не отмоеется. Будет он язык за зубами держать? У тебя же не отдел, а блатхата, почти все чьи-то или дети, или племянники. Не решится ли наш майор поделиться горяченьким? С родственником каким.

– Как раз он-то из карьерных, выходец с земли-матушки. Сюда его как рабочую лошадку брали. Если б не витебский скандал, так опером до пенсии и тянул бы. Мужик серьезный, два языка свободно, между прочим, филолог. Нас с вами не почитает, за пришлых варягов держит, но пакостить не будет, уверен. К тому же это дело для него личным стало. Мы с ИЛС¹⁴ проверку провели, его вины в гибели Жамновой действительно нет, но он обозлился, реально землю роет. Не подведет, здесь я спокоен.

– Ну хоть одна хорошая новость в нынешнем бардаке, – генерал тяжело вздохнул. – Тогда завтра жду от тебя план мероприятий, удачи!

---

¹⁴ Инспекция по личному составу в Главном управлении кадров МВД СССР. Предшественник Службы собственной безопасности.

Глава VI

Григорян

Когда лохи сидят дома у телевизоров или вообще укладываются спать, люди серьезные работают.

Впрочем, слова «серьезные» и «работают» Армен относил исключительно к себе. Это он работал в той проклятой бане с девками, куда сам бы не пошел ни за какие коврижки. Вот еще, хлестать водку, потом потеть в парной под визги голых баб, да, готовых исполнить любой твой каприз, но какой там каприз... пьяно, жарко и противно. Однако приходится терпеть – черная масть обожает решать вопросы именно в такой обстановке.

Вот и Сеня, Кремень, с позволения сказать. Может, раньше и был бойцом, но сегодня в прокуренной бане Армен «тер» с жирным, обрюзгшим мужиком, исколотым везде, где можно и, казалось, нельзя. Не обсуждал, не вел переговоры, а именно тер, балансировал между искренним желанием послать этого борова по всем матерям и крайним нежеланием начинать войну. И не потому, что боялся, вот еще, просто не ко времени это. Система для большого дела пока не готова, еще бы пару месяцев, и можно избавляться от этого быдла. Пусть забирают магазины, рынки, бордели и прочую шелуху, которую искренне считают бизнесом, и проваливают, гордые и тупые.

А настоящим делом, ради которого все и создавалось, начнут заниматься дяди умные, образованные, те, кто сейчас вырывается на первые роли и в правительстве, и в политике. Что там, только на прошлой неделе был у него такой интересный разговор на Старой площади¹⁵!

Да уж, на прошлой неделе на Старой площади, а сегодня в бане с водкой, бандитами и шлюхами. И никуда не денешься. Перестройка, блин.

Но, слава богу, дурные переговоры позади. Сейчас Морячок ехал домой, в уютный коттедж, предвкушая веселую встречу с действительно классными девчонками, веселыми и заводными красавицами. Еле слышно урчит мотор, шелестят шины, мягко и плавно летит по Кутузовскому огромный «мерседес».

– Армен Вазгенович, похоже, за нами хвост, – прервал размышления шофер. – Посмотрите сами – дорога пустая, а машина сзади не отстает и не обгоняет.

– Молодец, Эрик, ну-ка, что там? Да, что-то есть. Алеша, – обратился он к сидевшему рядом с водителем охраннику, – передай охране, чтобы не расслаблялись, не нравится мне это.

– Уже вызываю, Армен Вазгенович. – И по рации кратко и непечатно наорал на ехавших сзади бойцов, сообщив о подозрительной машине и едко прокомментировав их некоторые некрасивые бытовые привычки, в том числе – щелкать клювом на работе.

После поворота с шоссе, буквально на подъезде к недавно отстроенному в заповедном лесу коттеджному поселку, дорогу перегородил грузовик. Черт, это ж засада! Уж сколько народу в Москве именно так и положили – преграждали проезд и расстреливали с двух сторон. Спасаться!

– Эрик, направо, там проезд, давай, жарь, жарь, дорогой! Вперед, вперед, через триста метров...

– Да знаю я, знаю! Ложитесь на пол, не отвлекайте!

Резко свернув на проселок, «мерседес» Ары-Морячка рванулся к шоссе под прикрытием машины охраны. Прыгая на колдобинах, с грохотом пробивая подвеску, оторвав на какой-то

---

¹⁵ На Старой площади в Москве располагался ЦК КПСС.

коряге глушитель, им все-таки удалось уйти. Где-то сзади протрещали автоматные очереди, с визгом просвистели пули, но они спаслись!

Простая мысль о том, что никто не будет делать засаду перед поворотом на проселок, да еще имеющий прямой выезд на шоссе, никому в голову не пришла.

А невысокий крепкий комитетчик, которого Кузьмин отрекомендовал Щербатову как специалиста по засадам, спокойно отстегнул рожок от автомата, передернул затвор и рассмеялся:

– Здорово мы их! Ох, как они удирали – наверняка где-то глушак оторвали – слышишь, как ревут? Красота! Почти симфония, концерт для «калаша» с «мерседесом».

– Ты там никого не задел, композитор? А если в лесу кто-то гулял? Может, там девушка впервые целовалась, а ты из автомата... Да она теперь на мужиков и взглянуть не сможет, тебя ж ее будущий муж проклянет как злейшего врага. Не боишься? Это если ты не попал.

– Попал – не попал... Холостые в рожке. Зато клиенты напуганы до дефекации. Зуб даю, что своими ушами слышали, как пули свистят. Интересно, как они теперь разбираться будут? Не высчитают нас? Вон как дон Корлеоне, тот всегда правду знал. Вдруг и этот такой?

– Поменьше книжек читай да кина смотри – ближе к жизни будешь. У этих виновных не ищут, а назначают. Из тех, из кого выгодно. Всегда. И нет разницы – в Москве дело происходит или в Чикаго, бандиты – они бандиты и есть.

– Значит, нет в мире справедливости?

– В блатном? Не смеши. Нет, не было и не будет. Ладно, хлопцы, – обратился он к ребятам из наружки, один из которых управлял грузовиком, а второй – намеренно засветившейся легковушкой, – давайте убираться, пока местные менты не наехали. Передайте своим, чтобы объект вели осторожно, он теперь от собственной тени шарахаться будет.

Армен приехал в свой шикарный, гранитом и мрамором отделанный коттедж лишь перед рассветом. Всклокоченный, злой на охрану, на себя и на весь белый свет. На него! Какая-то гнида! Посмела! Впрочем, почему какая-то? Ясно же, что Сеня. Кремень? Нет, кирпич, булыжник, вообще грязь под ногами!

Вчера водочки подливал, обниматься лез, братом называл. Доли с ним делил, видите ли. Сука! Потому и делил, что знал – завалит на хрен, и все его будет. Тварь! Мразота! Ну все, война так война, где там телефон? Рано для звонка? А для морга не рано? Ничего, переживет, перетерпит Гарун! За такие-то деньжищи – точно перетерпит.

– Алло, Костя? Привет, дорогой, прости, что рано... Не туда попал? Ой, простите, пожалуйста, тысяча извинений, все, все, спокойной вам ночи...

Действительно, все. Теперь Гарун, профи, с которым работает только Морячок, о самом существовании которого никто не знает и не должен даже догадываться... теперь он придет в некое уютное кафе ровно в двенадцать. Вообще подобный вариант ими не исключался, и к исполнению Кремня давно все было готово. Требовалась лишь команда Морячка, после которой жить этому отморозку останется два дня. Потом Гарун его исполнит. Армен даже в мыслях повторял это слово – «исполнит». Не убьет, не замочит, не кончит, а именно исполнит, как Кошмарика – аккуратно и надежно.

Щербатов

На совещании у Кузьмина дым стоял коромыслом, благо окна были открыты. Дружно наплевав на инструкции, дымили все, кроме некурящего Щербатова, – и хозяин кабинета, и ментовские опера, и трое комитетчиков. С одним из них, Геной, ночью сыщики разыграли сцену покушения, а с двумя другими виделись на памятном совещании у генерала. В том числе

и с тем невзрачным типом с равнодушным взглядом убийцы. Только в этот раз от равнодушия не осталось и следа.

– Ну Гарун, ну сволочь! – Эту фразу он повторил уже раз пять. – Как же так, ведь такой парень был, такой...

– Что это за погоняло такое – Гарун. Аль-Рашид, что ли, из сказки? Настолько богат? – поинтересовался Щербатов. Просто поинтересовался, безо всякой задней мысли, но невзрачный тип взглянул так, что настаивать на ответе сразу расхотелось.

– Это у вас здесь погоняла, а Гарун – позывной! С Афгана еще. Да мы с Геной ему не раз жизнью обязаны и за речкой, и в... неважно где, главное, обязаны. А теперь сидим и думаем, как его брать будем. У него, между прочим, две Красных Звезды и Красное Знамя¹⁶, боевое, естественно. Подпол¹⁷, черт меня побери! Пенсионер, ветеран и участник боевых должен будет к стенке встать. С нашей помощью!

– Мужики, давайте без эмоций, – Кузьмин успокаивающе поднял ладони. – Не мы его убивать посылали. Только те девчонки, которых он в упор расстрелял, и рады бы хоть куда-нибудь встать, да уже не смогут, так-то. Сейчас давайте думать, где коллегу принимать будем, чтобы он еще кого в морг не отправил. Как думаете, оружие всегда при нем?

– Нет, разумеется, только перед мероприятием... или как у вас, у мусоров, – перед делом? Другой вопрос, как узнать, на дело он идет или так, погулять вышел?

– Если с оружием, – Гена озадаченно почесал затылок, – дело дрянь. Его как-то юаровский спецназ в городе брал, так он двоих наглухо положил, троих ранил и ушел. Я сам видел, так даже вмешаться не успел.

– Стесняюсь спросить, – позволил себе съехидничать Щербатов, – а что мы ему предъявим? У нас, простите, не то что прямых, да самых косвенных доказательств нет. Мне озвучить, куда нас прокуратура пошлет за такую работу?

– Вот это, товарищ майор, не ваша забота. За это отвечать будем мы, точнее – я. И я к этому готов, – неожиданно жестко хлопнув ладонью по столу, ответил Кузьмин. – Так что вопрос один – как брать будем?

– Ну, раз готовы... Тогда зачем его вообще брать? Пусть сам в милицию придет, прямо в кабинет и без оружия, здесь и повяжем. Как говорится, без шума и пыли. Чего так смотрите? У него машина под окнами стоит, застрахована, я уже в Госстрахе поинтересовался. Если ее угонят, он куда с заявлением пойдет? Ну что, организуете преступление по статье сто сорок восемь – один¹⁸, соучастники?

Гарун

В двухэтажное, недавно отремонтированное здание четвертого отделения милиции на улице Орджоникидзе ровно в десять часов вошел небогато одетый мужчина ниже среднего роста, лет сорока. Круглое лицо и какая-то по-детски наивная улыбка придавали ему вид мирный, даже застенчивый.

Мужчина вежливо поинтересовался у дежурного, где и как подать заявление, поднялся на второй этаж, к кабинетам уголовного розыска. Вот и седьмой кабинет, культурно постучался, открыл дверь... Нет!!! За столом сидел Земля! Почему-то первым вспомнился позывной, только потом имя – Гена. С которым не раз прикрывали друг другу спины, делили жалкие остатки сухпайка. Это поразило настолько, что и в голову не пришло сопротивляться,

---

¹⁶ Ордена Красной Звезды и Боевого Красного Знамени.

¹⁷ Подполковник.

¹⁸ Ст. 148.1 УК РСФСР «Неправомерное завладение транспортным средством, лошастью или иным ценным имуществом без цели хищения».

когда сзади скрутили руки, ставшие вдруг непривычно слабыми, обыскали, надели наручники и посадили на стул.

Сзади раздался знакомый голос:

– Ну здравствуй, Гарун. Не думал я, что с кем-то из вас придется вот так встретиться.

Александр Ильич?! Командир?! Господи, как же так? В кабинет вошли какие-то люди, что-то пишут, зачем-то раздели, всунули в какой-то спортивный костюм. Кто? Зачем? Это все было неважно. Важно – что напротив сидели те, кого всегда называл друзьями, кого, не задумываясь, прикрывал в боях. Сейчас они были по другую сторону стола, словно по другую сторону линии фронта. Что же, раз они против него, то он против них. Не сдаваться его учили. Никогда и никому.

– Жамнову ты убил?

– Не докажете, – усмехнулся Гарун.

– Даже и не попытаемся, – согласился Гена. – Сегодня до конца дня ты сам все расскажешь, со всеми подробностями. И доказательства предоставишь. Или сомневаешься?

Неожиданно для Щербатова, задержанный спорить не стал, сдулся, словно проколотый мячик.

– Если сейчас отвечу, это что-то изменит?

– Нет, – твердо ответил Александр Ильич. И коротко скомандовал: – Увести.

Когда задержанного увели, в кабинете остались Щербатов, Кузьмин и Гена.

– Мужики, вы чего с ним делать собрались?

– Что, не любишь пытки, мент? – грубо и зло ответил Кузьмин. – Вроде как сам нигде и никогда? Мне-то сказки про розыск не рассказывай! Что, всю жизнь в белых перчатках работал?

– При чем здесь мои белые перчатки? Вы что, всерьез в раскаяние верите? Его же прокурорские допрашивать будут! Он перед ними в полный отказ пойдет, слова под признание не скажет. Это же убийца! Душегуб! Ему не на чем со следствием торговаться.

– Конечно, не скажет. По своей воле – ни слова. Но дело передано в Следственный отдел КГБ, а там он расколется как миленький. Впрочем, успокою твою тонкую душу – не будет никаких пыток. Слава богу, на дворе конец двадцатого века, есть и другие методы. И этот Гарун о них знает. Поэтому завтра у меня на столе будет полный расклад по убийствам в Малаховке. Приходи вечером – вместе почитаем.

Глава VII

С утра Щербатов мотался с наружкой – очень уж хотелось самому посмотреть, как поведет себя Ара-Морячок после того, как поймет, что пропал его киллер, не выполнив работу.

Судя по тому, как звонил он на квартиру Гаруну несколько раз, откровенно наплевав на конспирацию, нервы у объекта оказались не железными. Около десяти утра из коттеджа вылетела «девятка»¹⁹, которую через час зафиксировали у дома убийцы. Молодой вертлявый паренек пообщался со старушками, сидевшими у подъезда, после чего из ближайшего автомата позвонил хозяину, сказав лишь одно слово: «Приняли».

Морячок сразу связался с Кремнем, вежливо спросил о здоровье и предложил срочно перетереть серьезный вопрос. Да, именно срочный, поэтому выезжает немедленно.

Из дома Кремня объект вышел через полчаса, а дальше началась настоящая карусель. Он звонил кому-то из автоматов, тут же мчался на встречу – одну, вторую, десятую. Бойцы из наружки в мыле носились, чтобы не упустить, установить связи и при этом не засветиться.

Парадокс, но для этого им пришлось наплевать на все правила движения, вместе взятые. Моторы ревели, шины визжали на поворотах, в их адрес неслись проклятия обалдевших водителей, перед капотом которых пролетали эти отморозки, каким-то чудом избегая аварии, и добропорядочных пешеходов, едва успевавших отскочить от мчащихся на красный свет, а то и вовсе по тротуарам, хулиганов. Гаишники лишь сплевывали и демонстративно отворачивались, чтобы не видеть выкрутасы на дороге, за которые любого другого, не задумываясь, лишили бы прав навечно.

Щербатов не впервые ездил с этими лихачами, но когда водитель его машины пролетел туннель на Ленинградке по встречке, выдал тираду, вызвавшую уважительные возгласы коллег, но не заставившую их умерить свой пыл ни в малейшей степени.

Всю дорогу бравый сыщик, как утопающий за соломинку, держался за одну мысль: «Если эти сумасшедшие не разбились до сих пор, почему это должно случиться, когда я в их машине?!»

Но в какой-то момент объект исчез. Зашел в кафе на Маросейке и не вышел. А его машина вместе с машиной охраны чинно, не спеша поехала кружить по городу. Поиски оказались безрезультатными, Ара-Морячок от наружного наблюдения оторвался, правда, предварительно познакомив милицию с полутора десятком своих связей.

А Щербатов поехал городским транспортом на работу – докладывать о случившемся и получать заслуженный разнос.

Однако неожиданно начальник отнесся к проколу наружки философски, мол, главное, что не засветились, а объект, ну что, вернется, куда денется. Лучше вон показания убийцы прочитай – интересно-о-о...

– Как? Я не понимаю – как? Он же офицер, воевал, был ранен, черт возьми, и вот такое? – Щербатов швырнул на стол документ.

– Это ты еще его сослуживцев не видел, вот уж кто реально охренел от этих бумаг, – лениво потягиваясь, ответил Кузьмин. – Он же на следующий день после того расстрела, в Малаховке, с ними какой-то их то ли праздник, то ли юбилей отмечал. Так песни пел про батальонную разведку и каскадеров, рассказывал все о скучной и бедной жизни пенсионера. Они ж ему реально работу искать начали. При его-то деньгах, ага. Знаешь, сколько он от Морячка получил? Впрочем, лучше тебе не знать, еще решишь профессию сменить... Ладно, ладно, не злись, шучу я так.

---

¹⁹ Автомобиль ВАЗ-2109.

– Вот еще, злиться... Точнее, да, злюсь, только не на тебя, – Щербатов впервые перешел в разговоре с начальником на ты. – Сам посуди, расклад у нас полный, а кроме этого Гаруна никого пристегнуть к делу не можем. Все разговоры были тет-а-тет, деньги ему платили только налом. Так что ни хрена нам не светит. Кроме, разумеется, чувства глубокого морального удовлетворения.

В это время в кабинете зазвонил внутренний телефон.

– Кузьмин, слушаю. Так, так, понял. Большое человеческое спасибо за ценные сведения, – он аккуратно положил трубку и выругался. Длинно и матерно, как никогда раньше не позволял себе ругаться в присутствии Щербатова.

– Стало быть, Морячка потеряли капитально. Наружка звонила, извинялись. Все, нет его, облажались мы по полной. Машины вернулись в коттедж, водитель и охрана разъехались по домам. Да и нам пора – время позднее, ничего нового мы сегодня все равно не высидим. Огрэбать «благодарности» будем завтра, а пока думай, как Григоряна найти – не настолько все с ним безнадежно. Душегуб-то наш все разговоры записал. Хранил те записи, как Кошей иглу, но, сам понимаешь, следствию передал в лучшем виде. Так что подработать немного, и будет на Ару железная доказуха, ни один суд не усомнится.

– Серьезно?! Ну это же другое дело! Тогда банкуем, тогда у клиента главная проблема – до суда дожить. За убийство вора блатные спросят конкретно.

Щербатов вошел в квартиру. Все красиво, пристойно и чисто. Пусто и зябко, несмотря на теплый июньский вечер. Жена еще на работе, раньше десяти она последнее время домой не приезжает. Ревновать? Такая мысль даже не приходила в голову. Только не Аля, не тот человек. Возможно, и развалится их семья, это да, но пока она есть, никаких любовников у его жены быть не может.

Он достал из холодильника бутылку «Столичной» и кусок любительской колбасы, отрезал ломоть, налил рюмку. Сел за красивый, Алкой купленный деревянный стол и не спеша, с наслаждением, выпил, закусил.

Интересно, а она его когда-нибудь ревновала? Все-таки розыск – дело такое, баб вокруг всегда полно, на любой вкус. И напрягаться особо не надо, так, протяни руку только. Несколько раз бывало, особенно по пьянке, чего уж там. Опер, тем более на земле, у него романтики мало. Награды редко, зато возможностей сгореть – да на каждом шагу. То проверку заявления просрочил, то глухаря возбудил – сразу жди приветов от начальства. Или отказной материал завернули – прокуратура тут как тут, руки радостно потирает. По слухам, у них план – сколько ментов посадить, сколько уволить. Важнейшая, говорят, строка отчетности.

Так что выпивают сыщики частенько, вроде как стресс снимают. Только, скорее, это отговорка – ни хрена водка не снимает, уж сколько раз проверено. Зато, выпив, можно и еще чего себе позволить – к разведенке какой, например, заскочить. Здесь главное, чтобы жена не узнала. Ага, оттянуться от души, а потом гадать, подцепил какую гадость или пронесло на этот раз. Тьфу, дьявол, какая чушь в голову лезет.

Щелкнул замок.

– Здравствуй, кушать будешь? – Хотелось обнять, поцеловать, но... но, но, но. Вечное «но».

– Спасибо, я сама себе приготовлю. – Сухо, вежливо. То самое «но».

– Как хочешь. Тогда я – спать.

Поговорили, называется. Сейчас в своей комнате опять плакать будет. Уже, считай, неделю – уходит в свою комнату и плачет. Пару раз входил, пытался обнять, сказать что-то, но наткнулся на такой взгляд, что сразу же и уходил. Молча. А что тут скажешь? Он, во всяком случае, слов не нашел.

Через день, вечером, когда нормальные люди уже сидели дома у телевизоров, а нормальные опера решали, разойтись ли по домам или все-таки опрокинуть по паре рюмок на ход ноги, Щербатов и Кузьмин обсуждали перспективы разработки «Гиен». Туманные, надо сказать, перспективы.

Днем Щербатов встретился с «Комаровым», тот сообщил, что Морячок рванул в родную Армянскую ССР, откуда намерен перебраться за границу. Перед отъездом объявил, что весь бизнес передает Кремню, чему тот бесконечно рад. Как же, все магазины, кафе, вообще весь нехилый такой район Подмосковья, плюс в самой столице куча прибыльных точек, с которых навар сам в бандитские карманы льется. Удача! Воровской фарт, в натуре!

Только это все для тупых быков. Главное – то, что Морячок передал в управление узкому кругу своих людей, куда, к счастью, вошел и «Комаров».

Банки. Два банка в Москве, один в Ереване и один в Риге. Учредители – все люди публичные, законопослушные, самостоятельные. И лишь немногие знают, что слово Морячка для них даже не закон, а истина, данная свыше, непреложная к исполнению.

Так вот, до особого распоряжения единственная задача банков – богатеть и развиваться. И боже упаси связаться хоть с каким криминалом. Именно за этим доверенные лица и должны следить неустанно, безжалостно отшибать руки любым браткам, которые пожелают протянуть их к этим заповедникам финансовой чистоты.

А также следует готовиться к поездкам в буржуазное забугорье. Какое, когда и насколько – об этом сообщат своевременно, а пока всем получить загранпаспорта, чтобы как только, так сразу.

Одним из этих банков был «Банк московского акцепта». Хрен его знает, что такое этот акцепт, но вот зампред правления в нем – Алка. И кстати, последнее время она и в Ереван, и в Ригу мотается постоянно. Это не считая всяческих заграниц. Не дай бог, по делам как раз Ары, но ведь не спросишь у нее. Сейчас уже не спросишь, раньше-то... М-да... Одно радует – среди доверенных лиц Морячка «Комаров» ее не назвал, так что, бог даст, не при делах она.

– Ну и что мы с этим счастьем делать будем? – поинтересовался на следующий день Кузьмин, откладывая сообщение агента.

– Понятия не имею. То есть по убийству в Малаховке все ясно, план мероприятий готов, тут, как говорится, дело техники. Всех, кто помогал Гаруну, установили – брать, колоть, сажать, здесь все просто. По Кремню тоже понятно, бандит – он и есть бандит. Посадим, не впервой. На худой конец, его свои порешат, лично меня такой исход тоже устроит. Другое дело – Григорян, тут вообще пока не понимаю, куды бечь. Что-то готовит он такое, международное, но что? И как нам с этим бороться? И как его теперь из-за бугра достать?

Глава VIII

Со дня побега Григоряна прошел месяц. За это время сделать удалось не просто много – прорву работы.

По убийству в Малаховке отлично сработали комитетчики. Гена, на которого свалилось сопровождение следствия, получил от щедрот начальства технику и наружку, и то ли на авось, то ли от воистину божественного озарения, но плотно обложил того вертлявого паренька, некоего Костяна, который приезжал на квартиру Гаруна. Ничего в том люберецком хлопце не было интересного, потому уже через неделю схлопотал опер крутой разнос от начальства «за неэффективное использование сил и средств». Но кто-то там, на небесах, сжалился над чекистом и позволил-таки зафиксировать попытку продажи старенькой зеленой «пятерки». Без документов.

Пропустить такой подарок судьбы – грех перед Фортуной, так что пока Костян искал покупателя, опера искали тот «жигуль». И нашли! Запыленным и, слава богу, не вымытым.

Пришлось срочно разыгрывать целое представление – проверку гаражного кооператива пожарной инспекцией. И пока переодетые чекисты с матюгами и угрозами два часа выматывали душу охранникам на предмет наличия огнетушителей, лопат и изоляции электропроводки, двое спецов тихонечко забрались в нужный гараж и обыскали машину. А там – мама дорогая! На лобовом стекле отпечаток пальца Гаруна, в бардачке – следы оружейной смазки. Ходи сюда, дорогой, кайся.

И Костян раскололся.

Двое их было. Шестерок, которым Морячок поручил не слишком законное, но по их понятиям безобидное дело. Ребята угнали машину, на которой потом убийца приезжал на место преступления, потом забрали, чтобы уничтожить. Но не уничтожили, а из жадности спрятали в гараже, да еще не все отпечатки пальцев стерли. По ним и закрепили их признание. Чистосердечное, разумеется.

Естественно, сам Гарун с этим идиотом, Костяном, не встречался, но бедолага на свою беду оказался не только жаден, но и ленив. Угонял он с приятелем машину. А уже оставив на условленном месте, пересел в машину этого самого приятеля и вместо того, чтобы убраться, как было приказано, остался на месте. Из глупого любопытства друзья проконтролировали, как Гарун сел в угнанный автомобиль, чтобы отправиться на дело. Затем дождались его возвращения и еще раз увидели убийцу.

Так что совпали и результаты работы Гены, и внезапно пробудившееся откровение Гаруна, причины которого так и остались тайной для Щербатова.

Преступление Костяна с подельником невелико, можно было их и не арестовывать, но у следствия возникло подозрение, что на воле парням долго прожить не суждено. Потому сейчас, попивая в кабинетах интеллигентных следователей ароматный чай, топили они и друг друга, и Гаруна, и, что самое важное, господина Григоряна, который умудрился дать им поручение на угон лично.

В результате доказательств на Морячка собрали много, а толку от них оказалось мало, потому что вначале его надо как-то поймать.

По «Гиенам» сосредоточились на Кремне. Сеня, как вор старой закалки, лично разъезжал по стрелкам и толковищам, кого-то кидал, кого-то прессовал, дав в руки милиции достаточно материалов для собственной посадки. Собственно, главным вопросом стало – кто успеет раньше: милиция закрыть или конкуренты убрать.

Кроме того, удачно на вербовку районных оперов подставился один из людей Морячка. «Комаров» в агентурном сообщении характеризовал его как шестерку, сязку, близко к серьезным делам не допущенную. Тем не менее он неожиданно дал такой расклад по «Гиенам», после

которого Кремня не посадил бы только полный кретин. А дальше преемники авторитета ожидаемо перегрызутся, постреляют-повзывают друг друга, короче, кирдык банде.

И лишь о самом Морячке ни слуху ни духу. Установили, что в Ереван уехал он по железной дороге, благо при покупке билета на поезд паспорт не спрашивают, и с тех пор все. Растворился в предгорьях Арарата. Посылать запрос армянским коллегам? Ага, после карабахской заварушки²⁰ получишь от них... от мертвого осла уши.

Все стало совсем грустно, когда на «Комарова» пришло приглашение из США. Морячок обнаружился в самом Нью-Йорке, откуда пожелал, чтобы пятеро его доверенных лиц перебрались за океан. Не ехать нельзя, но связь с источником терялась надолго – милиция все же не разведка, у нее резидентур нет. Только когда «Комаров» в Москву вернется, можно что-то узнать. А когда это будет? То-то.

После отъезда агента Щербатову осталось лишь ждать. Авось, небось и у моря погоды.

Привет пришел откуда не ждали.

Как-то вечером Кузьмина и Щербатова вызвал генерал.

– Что, орлы, слышал я, вы по-аглицки шпрыхать горазды? Кадровики доложили, что за знание иностранных языков даже доплату получаете.

– Ну так, понимаем, конечно, – за обоих ответил Кузьмин. – Правда, давно не практиковались, но и забыли еще не все.

– Да даже если и многое, все равно придется выкручиваться, в смысле соответствовать. Докладываю голосом, что завтра к пятнадцати ноль-ноль мы втроем следуем в посольство США, вот письмо из МИДа, ознакомьтесь.

В письме, между прочим с грифом «Совершенно секретно», сообщалось, что американское посольство, засвидетельствовав в очередной раз свое уважение к Министерству иностранных дел СССР, ссылаясь на некие договоренности президентов обеих стран, просит прислать для серьезного разговора компетентных сотрудников, имеющих хоть какое-то представление о господине Григоряне А. В., ныне проживающем в США и подозреваемом в страшных преступлениях, правда, пока непонятно в каких.

– Принято, – генерал многозначительно показал пальцем в потолок, – решение, что пойдем на встречу мы трое в сопровождении сотрудника МИДа.

– Чистого? – поинтересовался Кузьмин.

– Да уж не грязного. Считается, что вербовать нас америкосы не станут, так что нечего в наше дерьмо коллег с Лубянки втравливать.

На следующий день генеральская «Татра»²¹ остановилась у посольства США. Молоденький милицкий сержант внимательно изучил документы, сверился с какими-то списками и сделал приглашающий жест.

Встречали ментов трое хозяев лет сорока.

– Добро пожаловать, господа, – без малейшего акцента по-русски приветствовал гостей невзрачный худой брюнет. Остальные поздоровались на английском. – Я вице-консул московского консульства. Позвольте представить, сотрудники полиции Нью-Йорка – главный детектив Вильям Шенли и детектив-лейтенант Юджин Красовски. Прошу пройти в посольство, господа.

Пара полицейских выглядела забавно: высоченный лысый и усатый Шенли и изящный Красовски смотрелись как Торопунька и Штепсель. Впрочем, рядом с этой каланчой Торопункой выглядел бы почти любой.

---

²⁰ Армяно-азербайджанский вооруженный конфликт.

²¹ Легковые автомобили «Татра» использовались как персональные машины ответственных сотрудников КГБ и МВД СССР.

Милиционеров провели в просторную, отделанную шикарным темным деревом комнату с большим овальным столом из мореного дуба. Прямо напротив двери на стене красовался барельеф с огромным американским орлом. Все здесь говорило о богатстве и мощи Великой Америки, давая на гостей навязчивой шикарностью обстановки. И лишь смущенные улыбки полицейских разбавляли тягостную атмосферу переговоров.

Щербатову, когда учился на филфаке, приходилось общаться и с американцами, и с англичанами, но это были либо преподаватели, либо такие же студенты, приезжавшие в Москву на языковую практику. С официальными же лицами, да еще и в такой официальной обстановке он разговаривал впервые. А ведь Шенли, если на русский перевести, зам. начальника всей нью-йоркской полиции, генерал, не ниже. Впрочем, и он чувствовал себя не в своей тарелке, не говоря уж о мистере Красовски, смущенно улыбавшемся и не знавшем, куда девать свои крепкие, тренированные руки бойца.

Однако дело есть дело. Уже через четверть часа милиционеры и полицейские запросто обсуждали свои вопросы, начисто забыв о протоколе. Лишь дипломаты откровенно скучали, демонстративно отодвинувшись и уставившись в потолок.

Как выяснилось, ситуация сложилась, мягко говоря, нестандартная. Американская полиция уже давно приглядывалась к брату Морячка, перебравшемуся в Нью-Йорк лет пятнадцать назад. Армянин, неожиданно оказавшийся евреем в десятом поколении, выехал из СССР на землю обетованную для воссоединения с проживающей в Израиле многочисленной и давно утраченной родней. Но в Австрии, в пересыльном пункте, что расположился вблизи Вены, неожиданно осознал, что он все-таки армянин и сражаться с арабами за новую родину вовсе не обязан.

Зато ему просто необходимо в Нью-Йорк, где на далеком Брайтон-Бич скучают и страдают в ожидании его приезда уже армянские родственники. Кому и как объяснял свои трудности несчастный путешественник, сейчас уже и не установить, но, видимо, был достаточно убедителен, раз ему пошли навстречу и таки дали возделенную грин-карту.

Прибыв в страну неограниченных возможностей, молодой Рамиз с головой окунулся в мир чистогана, но, к огорчению американской Фемиды, в его криминальную часть. В кратчайшие сроки он умудрился познакомиться с конкретными господами из итальянских, колумбийских и мексиканских группировок. Его частенько видели на их вечеринках, но почему, за какие заслуги он стал своим у американских мафиози, до сих пор выяснить не удалось. Попытки полиции приобрести осведомителей из его окружения оказались тщетными, а внедренный платный осведомитель исчез на третий день вместе с курировавшим его полицейским. Оба до сих пор не найдены.

Три недели назад к Рамизу из Мексики приехал младший брат Армен. Братья пчелами снуют между главарями банд, от осведомителей в которых известно, что готовится какая-то новая схема по отмыванию денег. К сожалению, понять, какая именно, у полиции пока не получается.

Потому не будут ли любезны уважаемые служители советской Фемиды сообщить, что им известно по этому делу.

Вот так, на голубом глазу, расскажите, братцы москвичи, какой информацией располагаете. С грифом «секретно», между прочим.

Впрочем, наивными романтиками американцы не были и к заверениям в полном уважении, как и к обещаниям передать вопрос на рассмотрение высокого советского руководства, отнеслись с полным пониманием.

Когда дипломаты уже ушли по своим важным иностранным делам, а полицейские пожали руки на выходе из посольства, Шенли неожиданно задал сакраментальный вопрос:

– Господа, вы водку пьете?

– На хлеб мажем, – автоматически ответил Щербатов.

– Так может... – американец энергично потер руки. – Есть тут где поблизости? А то вернемся домой – и что рассказывать будем? Нам же коллеги проходу не дадут!

– Есть, конечно, – растерянно ответил Щербатов, тоскливо посмотрев на генерала и представив, какую дырищу пробьет эта пьянка в семейном бюджете.

Но тот сориентировался мгновенно.

– О'кей, коллеги, покажите гостям город, ну и вообще... – при этом разжал ладони и поджал один палец. – А я к руководству, будем решать, чем коллегам помочь можно.

Увидев девять пальцев, милиционеры облегченно вздохнули, предвкушая веселый вечер за казенный счет.

Утро следующего дня для Кузьмина и Щербатова началось с вызова в кабинет генерала.

– Да, орлы, ну вы вчера дали дрозда. Сами-то помните, какую пургу несли? Если нет – вот, можете прочитать. Мне прямо с утра принесли, с пылу с жару, так сказать, – он небрежно протянул несколько отпечатанных листов. – Ну ладно, этот мент, – он указал на Щербатова, – но ты, Ферапонтыч, ты-то что, не понимал, что каждый ваш чих запишут?

– А чего мы такого сказали? – искренне удивился Кузьмин, дыхнув на начальника могучим перегаром.

– Лучше молчи, душевно тебя прошу. Оба молчите. Чего сказал, спрашиваешь? Пожалуйста, – он вновь взял в руки распечатку разговора. – Андрэ, двоеточие. Работать вы, янки, не умеете. Нам и после литра водки в голову не придет посылать с осведомителем еще и копа, пусть даже в качестве ближайшего соучастника. Хорош соучастник, наверняка говорил по-русски, как диктор на московском телевидении. Они же у вас бывшие советские урки по легенде были. У наших преступников и речь другая, и даже жестикуляция. Я десять лет бандитов в тюрьмы сажаю, мне в голову не придет самому бандитом представиться. Вы же их сами спалили своими руками. Конец цитаты.

Генерал сурово посмотрел на притихших подчиненных, изо всех сил изображавших раскаяние.

– Андрей, ты сам понял, что выдал? Дипломат, твою мать, образчик толерантности. Они когда уезжали, на них смотреть было жалко.

– Да пьяные они были! – не выдержал Кузьмин. – Впрочем, могу извиниться, жалко, что ли?

– Вот и извинишься. Причем оба извинитесь. Через месячишко.

– Чего?

– Того, принято решение американцам помочь.

Дальше рассказал такое, чего еще год назад не могло присниться самому отмороженному фантасту, не говоря уже о профессионалах.

Оказывается, в это самое время комитетские следки в пожарном порядке готовили материалы дела для отправки в Штаты, в славную полицию не менее славного Нью-Йорка. Переписывались протоколы допросов Гаруна, откуда исчезало все, имевшее хоть какое-то отношение к его прошлой жизни. Снимались копии с показаний свидетелей, экспертиз, очных ставок и прочих бумаг. Вся эта гора документов переводилась, заверялась, подшивалась для будущей отправки за океан.

Но мало получить материалы, в них еще и разобраться надо. Пока не для суда, вначале сами штатовские полицейские должны понять, что такое «вор в законе», почему ему «западло базарить с барыгой», кто такой этот «законник» и как вообще перевести «западло» на строгий язык американской юриспруденции.

– Не потребуют американцы самих подозреваемых для допроса? – скорее в шутку поинтересовался Щербатов.

– Сдурел? – не оценив юмор, взорвался генерал. – Гарун Красное Знамя получил... в общем, за что надо получил, не дай бог пиндосы узнают! Короче...

Короче, само упоминание Гаруна, пусть и как простого гражданина, перед иностранцами, тем более американцами, было грехом непростительным, но перестроечный азарт взял свое. В результате родилось великое решение – удовлетворить просьбу Минюста США и командировать в славный град Нью-Йорк двоих московских оперов для координации действий с ихней полицией. Цель – добиться выдачи Морячка как организатора убийств. В крайнем случае – посадки его в Штатах по американским законам.

Выбор пал на Кузьмина и Щербатова как владеющих английским, знакомых с материалами, но лишь в части общеуголовной. Ничего о делах спецназа они выдать не смогут, даже если очень захотят. Третьим, руководителем группы, отправлялся замначальника Управления кадров, языка не знающий, дела не читавший, зато зять зампреда Совета Министров. Свободны, товарищи, идите оформлять документы. Через три недели вылет.

– Да, отдельное поручение сверху, поработайте там с «Комаровым», помогите товарищам янкесам его информацией, – закончил разговор генерал, многозначительно показав подчиненным крепкий волосатый кулак. Мол, не дай бог, засветите источника.

– Что в стране происходит? – недоумевал Кузьмин по пути из начальственного кабинета. – Ментов в шпионов превращают. Ты знаешь, что нам светит, если пиндосы узнают, что мы там с агентом встречаться собрались? За шпионаж посадят и не почешутся. Куда страна катится?

– К светлому будущему, куда ж еще. А мы с тобой в Нью-Йорк. Лично мне нравится.

Секретно

Экз. №

СПРАВКА

по материалам ДОР²²

«Гиены»

В ходе разработки организованной преступной группы в рамках ДОР «Гиены» установлено, что после убийства лидера ОПГ²³ Енукидзе Р. Г. (он же «Кошмарик») руководство группой перешло к ранее неоднократно судимому гражданину Петрову С. Н. (он же «Сеня-Кремень») и его противоправным связям. Разработка данного сообщества ведется по ранее утвержденному плану.

В то же время от группы «Гиен» откололся ранее судимый Григорян А. В. Последний сохранил за собой контроль за частными банками, зарегистрированными в Москве, а также в Армянской и Латвийской ССР, которыми ранее через подставных лиц владел Енукидзе Р. Г. Непосредственно с руководством банков контактирует узкий круг доверенных лиц Григоряна А. В., в который входит двенадцать человек (установлены). В настоящее время Григорян А. В. находится в США, куда прибыл, незаконно покинув территорию СССР. Вместе с тем, используя родственные связи, ему удалось легализоваться в США.

По оперативным данным, подтвержденным полицией штата Нью-Йорк (США), Григорян А. В. планирует организовать крупную международную преступную группу, однако характер предстоящих сделок на данный момент неизвестен.

²² Дело оперативной разработки.

²³ Организованная преступная группировка.

Установлено, что пять человек, входящих в ближайшее окружение Григоряна А. В., получили от него приглашения и в настоящее время выехали на постоянное место жительства в США.

В частности:

Бекимбаев Бижан Суйинбаевич, 1951 г. р., ур. г. Павлодар, Казахской ССР (он же «Бек»), бывший сотрудник ОУР УВД Павлодарской области Казахской ССР, ранее судимый за нанесение тяжких телесных повреждений и превышение должностных полномочий;

Паркая Жанна Вахтанговна, 1955 г. р., ур. г. Сочи, ранее судимая за незаконные валютные операции;

Горелик Михаил Яковлевич, 1966 г. р., ур. г. Минск (он же «Кипа»), ранее судимый за незаконное предпринимательство;

Нефедов Иван Рафаэлевич, 1964 г. р., ур. г. Москва (он же «Ваня-жид»), ранее судимый за хищения в особо крупном размере;

Эглитис Иварс Янисович, 1968 г. р., ур. г. Рига (он же «Хитрый»), ранее судимый за незаконное предпринимательство.

Учитывая, что группа, возглавляемая Григоряном А. В., фактически контакты с объектами ДОР «Гиены» утратила и готовится начать собственную противоправную деятельность, представляется целесообразным выделить материалы на указанных лиц в отдельную разработку, завести дело оперативной проверки, присвоив ему условное наименование «Саргассы», а Григоряну А. В., как основному объекту разработки, «Саргасс».

Начальник 1-го отделения

2-го отдела ГУУР МВД СССР

Майор милиции В. П. Щербатов

РЕЗОЛЮЦИЯ:

«Согласен. Готовьте документы, доложите план мероприятий.

Кузьмин А. Ф.»

Глава IX

Три недели пролетели в приятных хлопотах. Оформление загранпаспорта, билеты, получение валюты. На десять дней – семьсот двадцать долларов, с ума сойти. Правда, Алка, увидев невероятную для Щербатова пачку бабла, лишь ехидно усмехнулась.

И сама занялась подготовкой мужа к путешествию.

Все выходные она убила, таская мужа по магазинам. Заставила перемерить кучу шмоток, но так и осталась недовольной. В результате купили лишь новые ботинки, остальное было решено закупить на месте.

Для этого в дорогу Алла передала супругу карточку с надписью «VISA» и названием какого-то иностранного банка.

– Держи, на ней десять тысяч долларов, трать, не стесняйся!

Потом заставила как «Отче наш» выучить четыре цифры, пин-код называется, и съездить с ней в Шереметьево, где Щербатов трижды снял с банкомата по сто долларов, чтобы жена убедилась, что хитрую науку обращения с пластиковой картой недотепа-муж усвоил.

На обратной дороге весело и беззаботно болтали до того момента, когда Щербатов поинтересовался, откуда деньги и что это за банк. Вот как черт за язык дернул! Алка вновь замкнулась и до самого отъезда произнесла не больше десятка слов. А ночью из ее комнаты опять слышались всхлипы.

В Шереметьево Щербатов приехал в простых джинсах, легкомысленной безрукавке и легкой полотняной куртке. Коллеги удивились его скромному багажу и непредставительному гардеробу, абсолютно не вяжущемуся с дорожными, по последней моде скроенными ботинками. Но менять что-либо было уже поздно. И то сказать, мусор – он мусор и есть. Никакого понятия о солидности.

Таможня, паспортный контроль – и в путь! На огромном аэробусе «Люфтганзы». Уж кто в Москве и на какие рычаги нажимал, осталось неизвестным, но, скорее всего, руководитель делегации использовал возможности тестя. И спасибо ему за это.

Правда, одиннадцать часов в тесном кресле эконом-класса не есть вершина комфорта. То ли дело шефы, вольготно расположившиеся в классе бизнес, для которого скромный начальник отделения носом не вышел. Но жизнь полна сюрпризов! Самолет летел полупустым, потому на среднем ряду оказались незанятыми целые сектора. Так что Щербатов с чистой совестью поднял ручки сидений и просто лег, вытянув ноги. Плюс предусмотрительно прихваченный в дорогу шкалик да бутылочка пепси-колы дали возможность поспать с совершенно неожиданными удобствами, нимало не завидуя отцам-командирам.

Но все когда-нибудь кончается, закончился и этот осточертевший, казавшийся уже бесконечным перелет. Самолет мягко приземлился и зарулил к месту стоянки. Вновь паспортный контроль, таможню и не заметили, как прошли, и среди встречающих... они, родные, наши. Бог его знает, как это получается, но среди множества встречающих советские дипломаты выделялись как пальма на Северном полюсе. Вроде бы одеты товарищи в хорошие костюмы, вообще к внешнему виду никаких вопросов, а вот ни с кем их не перепутаешь.

Быстрое приветствие, знакомство, и машина везет их в отель. По дороге краткий инструктаж: кому, когда и сколько давать чаевых, где подешевле поесть и выпить, без этого никак, и ни в коем случае не смотреть в номерах эротический канал – включают в счет, потом отписываться замучаешься. Все. Добро пожаловать, Василий Петрович, в логово капитализма, отдыхайте до утра. Утром милости просим в консульство, и лишь потом...

На следующий день милиционеров принял генконсул. В огромном светлом кабинете с шикарным паркетным полом и мебелью из карельской березы он прочитал безумно нудную

лекцию о необходимости развивать, расширять и углублять определенное Великой Перестройкой теснейшее сотрудничество с США по всем фронтам, в том числе и... – тут он бросил взгляд на заранее приготовленную шпаргалку – да, в том числе и в сфере борьбы с международной преступностью. О как!

– Вечером, товарищи офицеры, милости просим к нам, пообщаемся в неформальной обстановке. А пока передаю вас заботам своего коллеги, вице-консула Алексея Владимировича Лисицына, прошу знакомиться.

Сидевший рядом с генконсулом полный мужчина средних лет, в неброском, мышиного цвета костюме и белоснежной рубашке с сиреневым галстуком, сдержанно кивнул и оценивающе осмотрел милиционеров, задержав неодобрительный взгляд на Щербатове.

Позже в своем кабинете он объяснил причину своего неудовольствия в предельно конкретной форме:

– Вам, товарищ, никто не говорил, что мы здесь страну представляем? Что, на приличный костюм денег не хватило? Черт, надо у наших ребят что-то подходящее поискать, а то приедете в полицию – два офицера и один охламон.

Щербатов взглянул на коллег, одетых в одинаковые костюмы фабрики «Большевичка». Действительно, чего Алке не понравилось? Можно ведь было такой же взять! Оправдывайся теперь...

– Алексей Владимирович, ради бога, не надо ничего подбирать. Я планировал с утра заскочить в магазин да купить уже здесь, чтобы и новое, и приличное.

– Планировал он... помогай вам теперь... мужики, а вы как себе вообще представляете, чего тут делать будете? Вы когда-нибудь вообще за рубежом работали? Ну хоть в турпоездках бывали?

– Программа пребывания согласована, – важно ответил руководитель делегации, – а вы, если вам поручено, помогайте. Вот отвезите Василия Петровича в магазин и поехали уже делом заниматься!

Лисицын поджал губы, дипломатично не высказав слов, которые, очевидно, вертелись на его языке. Скорее всего – матерные.

На консульском «мерседесе» московские гости заехали в торговый комплекс, где за триста долларов Щербатов купил песочного цвета костюм и галстук в тон. Одна беда – потребовалось подшить рукава и брюки, так что забрать покупку можно только вечером.

– Не бойсь, Вася, – дружески хлопнул его по плечу Кузьмин. – Прорвемся, не сорок первый! В конце концов, ихние копы тоже пиджаки не носят. Вон Шварценеггер в последнем фильме вообще черт знает в чем ходит!

Лисицын после этого только зубами скрипнул, но от комментариев воздержался и повез делегацию на Манхэттен, где в строгом стеклянno-бетонном здании расположился Департамент полиции штата Нью-Йорк.

На формальное представление высшим чинам нью-йоркской полиции ушло неожиданно мало времени, даже главный детектив Шенли, с которым крепко выпили в Москве, ограничился сухим приветствием и представлением сотрудников, которым предстояло десять дней опекать русских милиционеров. С Красовски Щербатов и Кузьмин были знакомы. Его помощником оказался сержант Ренсселлер, русоволосый крепыш лет тридцати с темно-кариыми, чуть раскосыми глазами.

Лишь на прощание, когда уже выходили из кабинета, Шенли пообещал достойно ответить на русское гостеприимство. Но когда состоится пьянка – не уточнил.

Дальше началась работа. Главная работа всех полицейских всего мира – бумаги! Американцы подобрали десяток томов этих самых бумаг, в которых милиционеры безнадежно утонули уже через час.

Хорошо руководителю – ушел знакомиться с полицейскими начальниками, обменяться опытом, как он выразился. Через переводчика, естественно, сам-то по-английски ни в зуб ногой. А подчиненным куда деваться?

– Парни, вы сами это все читали? – потирая виски, спросил Щербатов. – Вы что, всерьез рассчитываете, что мы в состоянии разобраться... ну, скажем... вот, Меморандум о фирмах, подконтрольных семье Манчини! Кто такой Манчини? При чем здесь Манчини? Что мы из этого меморандума должны понять и за каким дьяволом лично вам нужно наше понимание? Или это, – он наугад открыл очередной том, – Меморандум о конфликтах группы Кол-мина-режо... я правильно прочитал? И что?

– Бэзил, ну как же, это те самые группы, с которыми общается наш друг! – Красовски даже руками развел, мол, как можно не понимать очевидных вещей.

– И что? Мы сюда зачем приехали? Помочь с нашими материалами разобраться. Так давай ими и займемся. Вот это вот, – он указал на гору томов, – какое отношение к нам имеет? Это все не то что проработать, просто прочитать – жизни не хватит. Или ты хочешь, чтобы мы здесь навсегда поселились? Прямо в этом кабинете?

Все оказалось просто – бюрократия везде одинакова, и полученные еще три дня назад из советского посольства материалы до сих пор ходят по инстанциям. К непосредственным исполнителям обещают спуститься не раньше завтрашнего дня, вот коллеги и решили подкрепить московских гостей информацией.

– Слушайте, парни, – вступил в разговор Кузьмин, – у вас совесть есть? Или жалость к несчастным коллегам? Ну хоть немного? В Москве сейчас шесть часов, мы, считай, ночь не спали, а вы нам этот ворох бумаг скармливаете. Юджин, ну ты себя-то в Москве вспомни, в первый день.

В результате через полчаса полусонные милиционеры оказались в гостинице. Щербатов искренне собрался сразу же поехать за костюмом, вот только на секунточку на кровать присядет, да даже и приляжет, но это так, на минуточку, чтобы потом...

Через три часа его разбудил настойчивый стук в дверь. У номера стоял руководитель делегации – бодрый, подтянутый, гладко выбритый и разящий дальнобойным одеколоном.

– Чего разлегся, майор? Забыл, что через час нас в консульстве ждут?

Затем подозрительно взглянул на взъерошенного подчиненного:

– Ты что, прямо так спал? Ты в таком виде в консульство собрался? Да здесь бомжи аккуратней выглядят!

– Наверное, – растерянно ответил Щербатов, окидывая взглядом свою помятую одежду. Действительно, тот еще видок, как раз для приемов. – Так я собирался съездить за костюмом, да вот... – он виновато развел руками.

– Собирался, – передразнил руководитель. – Короче, так, в консульство не идешь, вечером занимаешься внешним видом, чтобы завтра как огурец! А в Москве поговорим подробнее, как ты честь державы блюдешь! Думаю, это твоя последняя поездка за рубеж. – И ушел, оставив Щербатова осознавать всю глубину своего падения и степень несоответствия высокому званию представителя великой страны.

С другой стороны, получается, целый свободный вечер, когда можно походить по городу, посидеть в настоящих американских барах, выпить пивка, сходить посмотреть настоящее, не на пиратских кассетах записанное кино. «Вспомнить все», например, или «Красотку». Так что нет хуже без добра – вперед!

Он шел по городу, поражаясь не небоскрегам и обилию машин, а собственному чувству узнавания. Да он же не раз видел и эти улицы, и эти дома, да даже вон та реклама совсем недавно сверкала в телевизоре в очередной передаче о прекрасной Америке, в которой все свободны, счастливы и богаты. А если кто не богат, то исключительно потому, что не хочет

работать. Но даже такие здесь от голода и болезней не умирают. Интересно, а от чего тогда? Ну да ладно, полторы недели впереди, будет время узнать эту тайну!

А сейчас действительно встречные целеустремлены, деловиты, но все и всегда улыбаются. Видать, и взаправду счастливы, не то что мы, сырые и убогие.

Пивка? Почему нет, если деньги позволяют. Но чуть позже, вначале костюм, а то и впрямь неудобно получилось.

Так, вот торговый центр, поднимаемся в магазин... Улыбающийся улыбкой кинозвезды продавец слегка смущен. Что, еще полчаса? А чем заняться? Можно постричься? Здесь и парикмахерская по соседству? А что, имеет смысл!

– Проходите, проходите, присаживайтесь, молодой человек! Если бы вы знали, как приятно встретить соотечественника! – по-русски, с характерным грассированием встретил его парикмахер.

– Что, в таком виде только наши в Америке ходят? – Щербатову стало и вовсе стыдно за внешний вид.

– Боже упаси, молодой человек! Смею заверить, местные помнят о внешнем виде либо на свадьбе, либо на похоронах. Иногда на работе, но только если работа того требует. А так встретить миллионера в дурацкой футболке – дело обычное. Да что там, сейчас у них мода пошла на рваные джинсы, представляете? Так что не заморачивайтесь. А вот прическа у вас, это да, сразу родной Привоз напомнила. Вы, часом, не из Одессы? Там с таким пробором и такими усами все руководящие товарищи ходят. Вы руководящий товарищ?

– Ага, вот в этих вот шмотках, самый что ни на есть руководящий, – скорее пробормотал, чем ответил обалдевший от такого напора Щербатов. – Командированный я, по обмену опытом вроде как. Вы, это, действительно с прической сделайте что-нибудь. Ну и вообще, не хотелось бы выделяться среди местных. Костюм мне здесь подшивают, вот пока к вам зашел.

– Где подшивают? У соседей? О, с магазином вы сделали правильный выбор, молодой человек! Это ведь они вам порекомендовали обратиться к мистеру Левину? Левин – это я, Михаил Яковлевич, если для своих. Можно Мойша, но это для совсем своих. Вам как удобнее? И я вас прошу на будущее, здесь принято называть рекомендателей. Поверьте, им это будет приятно.

«Конечно, свой процент они точно получают», – про себя усмехнулся Щербатов.

А неугомонный парикмахер продолжил:

– Присаживайтесь, прошу вас. Могу я узнать ваше имя? Василий! О, это имя сразу напомнило Одессу, Приморский парк, наш старый тихий дворик, нашего кота... О боже, что я несу! Простите, Василий, старого глупого еврея, это все ностальгия. Но позвольте совет – будете общаться с нашими, представляйтесь Бэзилем. Поверьте, всем так будет гораздо удобнее.

Во время этого монолога умелые руки парикмахера порхали над головой клиента, что-то расчесывая, что-то подрезая, исчезли казавшиеся солидными усы. Под мерный говорок Мойши Щербатов почти заснул, а когда услышал, что все закончено, уставился в зеркало с изумлением. На него смотрел другой человек! Он был солиден, серьезен, от него буквально исходила уверенность в себе. От того, другого, казалось, ничего не имевшего общего с небогатым московским ментом, только и умеющим, что сажать людей в тюрьмы.

Михаил Яковлевич что-то еще говорил, дал в руки визитку, выслушал вежливый ответ, мол, да, разумеется, запомню, порекомендую, если что – обращусь. Рад был познакомиться, будете в Москве...

– Нет уж, лучше вы к нам! – Мойша ответил на автомате, потом замер... и они расхохотались. Громко, заливисто, так неуместно в вечно улыбающейся Америке. Двое русских, и плевать, что один из них еврей.

Из торгового центра выходил новый человек. Зашел серый, помятый, усатый раздолбай. Вышел элегантный, гладко выбритый, спортивный мужчина, на которого с интересом поглядывали встречные женщины.

Поздний вечер, ярко освещенные освободившиеся от бесконечных пробок улицы, огни витрин и реклам, встречные прохожие, уже переставшие куда-то спешить. «Strangers in the night»²⁴, черт побери! В сочетании с pub crawl²⁵, как говорят англичане. Не буквально, конечно, но так, для души...

Деньги были, души тоже хватало, так что ближе к полуночи к отелю подходил не вполне трезвый, но вполне солидный джентльмен. А каким ему еще быть, после такой-то прогулки?

Добродушным, довольным жизнью. За квартал до отеля. Пока не наткнулся на полицейское оцепление.

– Извините за беспокойство, господа, но вы уверены, что вам туда надо? Живете в этом районе? Проходите, конечно, только позвольте ваши документы, мы запишем. Нет? Ничего страшного, тоже проходите... Ох, не волнуйтесь, это лишь фотовспышка, снимают тут, понимаете. И если вам в отель, то простите, но дальше документы придется все-таки показать. Как, вы не знаете? Стрельба, даже взрыв в отеле, люди погибли.

Щербатов уже собирался предъявить документы, как обратил внимание на припаркованный у тротуара «мерседес» с номерами советского посольства. А этот здесь откуда? Хрень какая-то. Подождем.

Ждать пришлось больше двух часов. Впрочем, в толпе зевак и журналистов, которых не пропустили за оцепление, на московского мента, выглядевшего как типичный нью-йоркский клерк, внимания никто не обратил.

В конце концов из оцепления вышел... Лисицын. Был он хмур, по сторонам не смотрел, но стоящего на обочине Щербатова заметил, легким движением ладони указав стоять на месте. Не спеша подошел к машине, сел за руль, открыл окна – жара все-таки, и очень аккуратно стал разворачиваться, вежливо, очень коротко сигналив, чтобы народ расступился. Подъехал к Щербатову и резко скомандовал:

– На заднее сиденье, быстро!

Жестко, зло, не допуская и намека на возражения.

Едва Щербатов захлопнул дверь, как Лисицын закрыл окна и дал по газам. Быстро, резко перестраиваясь, меняя направления движения.

– Лечь вниз. На сиденье в углу плед – накройся с головой!

– Костюм жалко!

– Там и второй плед – постели на пол. И разговорчики, майор! Делай, что приказано!

Хрен его знает, какого лешего дипломат начал командовать, но на этой палубе, похоже, старший – он. Лег, укрылся, что дальше?

А дальше Лисицын полчаса гонял по ночным улицам, после чего куда-то приехал, предварительно остановившись, видимо на входе, потому что на его «Hello» кто-то ответил «Go ahead, mister»²⁶, и машина покатила вперед, но почти сразу остановилась.

– Поднимайся. И быстро за мной.

Щербатов вышел из машины. Так, подземная парковка, какие приходилось видеть лишь в иностранных фильмах.

– Чего встал, двигайся! – откровенно злым голосом потребовал дипломат. И какая муха его укусила?

---

²⁴ «Strangers in the night» – популярная песня в исполнении Фрэнка Синатры.

²⁵ Pub crawl – «поход по пивнушкам», мероприятие, заключающееся в том, что один или группа людей выпивают последовательно в нескольких пабах.

²⁶ Проезжайте, мистер.

– Да иду я, иду.

Открыв какую-то неприметную дверь, поднялись по винтовой лестнице и вошли в комнату. Ни хрена себе! Не в комнату, а в двухкомнатную квартиру, не шикарно, но вполне себе добротнo обставленную, со спальней, туалетом, душевой и даже кухней. Бежевые обои, белый потолок, красивая мебель, огромный телевизор – все прекрасно, одна беда – окон нет. Вообще.

– Извините, Алексей... э-э... простите, забыл, как вас по батюшке, а мы где?

– Алексей. Можно Леша, хватит церемоний. В консульстве мы, Вася, в той его части, о которой тебе и подозревать не следовало бы, но вот пришлось посетить. Посиди пока, посмотри телевизор. А я скоро.

Что же, включил телевизор, по большинству каналов шел прямой репортаж от того отеля. Убиты три офицера советской полиции, в том числе и он, майор Щербатов. Двое – из пистолета, один взорван. И тела. Кузьмин, кадровик... да, здесь, к сожалению, никаких сомнений. И его труп на залитом кровью паркете. Точнее, то, что осталось, ибо верхнюю часть тела, кажется, разнесло в пыль, судя по накрывшей труп простыне.

Вошел Лисицын. В руках бутылка водки, закуска.

– Видел?

– Угу.

– Тогда давай выпьем. За мужиков. Особенно за Ферапонтыча. Обоих жаль, но с Андрюхой мы год в одной комнате в Минске прожили. Знаешь, как нас там гоняли? Бывшие морпехи срочную как курорт вспоминали! И все поровну. А сейчас... Давай!

Выпили, закусили. Лисицын разлил по второй.

– Не думал я за его упокой пить. Тем более с ментом. Ты не обижайся, Вась, это ж я утром так, для форса гнал, извини, если переборщил. Но не должен Андрюха был здесь погибнуть! – он сильно, зло ударил кулаком по столу. – Никак не должен! Ладно, помянем.

Когда закусили, Щербатов спросил:

– Леша, почему передали, что и я там?

– Потому что в твоём номере лежит труп в похожих джинсах, вроде как и в твоей же майке, от лица, правда, мало что осталось, для идентификации лишь руки пригодны, которые по углам разлетелись.

– Толку от тех рук... С меня отпечатки никто не снимал, с чем сравнивать? – Щербатов налил по третьей. – Но обслуга должна была что-то сказать...

– Они и сказали, что ты вернулся в гостиницу с какой-то сумкой, может даже с этой, – Лисицын показал на сумку, где лежала старая одежда. – В бейсболке и темных очках, показал карту гостя и поднялся к себе. Время позднее, если бы не взрыв, тела обнаружили бы не скоро. Как думаешь?

– Да чего тут думать. Мужики были в номерах, их без затей попросту расстреляли. А меня ждать было стремно. Так что вошел бы я к себе, и прямым рейсом на небеса, в разобранном состоянии. Только бомба взорвалась раньше, в руках у этого горе-киллера. Напортачил, видать, случается такое, я сталкивался. Это не вопрос – как. Вопрос – зачем. И, главное, кто и почему. Вот здесь ума не приложу. Ну, убили они всех, и что? Материалы один хрен пришли, в американское следствие они все равно попадут, на наше место другие приедут. Не понимаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.